

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylovi.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://krylovi.ru/> приятного чтения!

Басни (1). Иван Андреевич Крылов

Поэт и мудрец

Басни Крылова известны нам с детства. Наша память хранит крыловские образы, и мы без труда обращаемся к ним в самых разных жизненных случаях. То вдруг вспомнится Обезьяна, не узнавшая себя в Зеркале и посмеявшаяся над собственными ужимками, то неожиданно предстанет перед глазами ничтожная Моська, которая, визгливо лая на Слона, хочет прослыть отважной и сильной. Иногда никак не можешь отделаться от впечатления, что встретился с невеждой Мартышкой, разгневанной на Очки. Не надо напрягаться, чтобы с языка сорвалось и крыловское слово, и крыловская пословица, и крыловское поучение. Басни Крылова как бы сроднились с нами и живут в нас.

Столь же близок нам и сам Крылов. Мы уверены, что знаем о нем все. Так повелось издавна, и тому были свои причины. Баснописец вел жизнь открытую, у всех на виду: служил в публичной библиотеке, бывал на людях, часто печатался, выпуская в свет одну книгу басен за другой. Но вместе с тем не подходил под общие мерки, оставался фигурой колоритной, своеобразной. Уже при жизни слыл милым ленивцем, который после обеда любил подремать в креслах гостиных у друзей; рассказывали, что он нехотя отбывал службу да время от времени пописывал свои басни. Современники, насытив воспоминания о Крылове анекдотами, курьезными случаями, остротами, суждениями, выраженными в привычной для баснописца уклончиво-притчеобразной форме, оставили нам сравнительно мало доподлинных свидетельств о личности Крылова.

Впрочем, легенда коснулась не только Крылова-человека, но и Крылова-баснописца. Его басни часто толковались как смешные зарисовки, поучительные сценки или затейливые картинки нравов. Но бытующее мнение о детской простоте их содержания обманчиво. Даже у внимательных читателей встречается порой одностороннее и потому не вполне верное представление, против которого возражал уже В. Г. Белинский. «Многие, – писал критик, – в Крылове хотят видеть непременно баснописца; мы видим в нем нечто большее».

Для Белинского (и в этом он был прав) Крылов – писатель-мыслитель, философ-сатирик. Но и суждение об исключительно сатирическом характере крыловских басен также недостаточно, потому что к сатире они не сводятся и ею их содержание и смысл не исчерпываются. Сатира – лишь одна, без сомнения существенная, но не единственная их сторона.

Часто басни Крылова подразделяют на моралистические, философские и социальные, подразумевая под этим, что в первых высмеиваются общечеловеческие пороки, во вторых преобладают глубокомысленные истины, в третьих – сатира на социальные порядки и отношения. Между тем такое разделение чрезвычайно искусственно, и басни сопротивляются ему. В одной и той же басне крепко спаяны и сатира, и мораль, и философская мудрость.

Таким образом, всем знакомый «общий» портрет Крылова, якобы чудака и ленивца, донесенный воспоминаниями о нем, как и расхожие представления о баснях, не совсем достоверен.

За кажущейся простотой басен ощущается присутствие интенсивной внутренней жизни, а за чудаковатыми привычками и неординарностью поведения угадывается крупная личность писателя большого философского и социального масштаба.

Вот эту-то напряженную духовную жизнь и помогают приоткрыть басни. Благодаря им становится ясным поразительное единство Крылова-человека и Крылова-баснописца. Из них мы узнаем о Крылове – патриоте, мудреце, практическом философе, проницательном наблюдателе русской жизни. Словом, через басни, их конфликты, заключенную в них мораль мы постигаем, как относился Крылов к своей эпохе, к русским нравам, к быту, к литературе, ко всему укладу современной ему действительности, что он в нем осуждал, от чего предостерегал и что поощрял и поддерживал.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) начал писать басни уже в зрелом возрасте, будучи известным и опытным литератором – драматургом и прозаиком.

В молодости Крылов – воинственный радикал, задиристый журналист. Он единолично издавал журнал «Почта духов», в котором помещал сочиненные или переведенные им сатирические письма. Несколько позже выпускал вместе «с товарищи» журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». В конце 1780 – начале 1790-х годов он стал известен как язвительный сатирик, продолживший традиции просветительской прозы Н. И. Новикова. С первых дней литературной деятельности и до 1810-х годов на сценах домашних и профессиональных столичных театров с успехом шли его комедии «Поддипа» («Трумф»), «Пирог», «Модная лавка», «Урок дочкам» и комическая опера «Илья-богатырь». Современники по праву видели в Крылове-комедиографе преемника Д. И. Фонвизина.

Дебют Крылова в жанре басни, если не считать первых басен, созданных еще в конце XVIII века и никак не предвещавших позднейшего триумфа на этом поприще, совпал с патриотическим воодушевлением, охватившим русское общество в первые годы XIX столетия.

В баснях Крылова периода Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года последовательно утверждался народный взгляд на происходившие события: французы – «воры», торгшиеся в страну ради грабежа и насилия. Народ держался прямой и простой правды, он не хотел слышать ни о каких политических хитросплетениях. Ему не было дела и до дворцовых интриг, связанных с назначением командующего войсками: народ сразу «выбрал» Кутузова, «своего» полководца, который, по народному мнению, только один мог спасти Россию и которому народ безоговорочно верил свою судьбу.

В басне «Волк на псарне» Крылов обращается к ратному подвигу народа, но избирает для его истолкования обыденный, бытовой случай. Поимка Волка выглядит как бы привычным делом, отлаженным до мелочей, однако опасным и требующим смелости, быстроты, сноровки:

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» –
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! – кричат. – Огня!»

В бытовом происшествии и в войне баснописцу видятся одни и те же неприглядные свойства противника, одни и те же свойства народного характера – решительность, ловкость, энергия.

В басне «Обоз» Крылов коснулся стратегии и тактики Кутузова. Известно, что великий полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I, выговоры от которого следовали один за другим. Крылов оправдывал неспешные, но продуманные действия Кутузова, должные, как понимал баснописец, привести к полному краху Наполеона.

Такое же оправдание действий Кутузова заключала и басня «Ворона и Курица». С одной стороны, полная поддержка замыслов Кутузова:

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством воужась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил..
С другой – гнев против тех, кто видел во французах цивилизованных, просвещенных «гостей», а не врагов и «вандалов». В своих корыстных, эгоистических расчетах отечественная Ворона подобна другой, иноземной Вороне – Наполеону, которому посвящено моралистическое заключение.

Басни Крылова об Отечественной войне «превращались в живую историю», донося до простых солдат и всех русских людей истинный смысл событий. В свою очередь отношение баснописца к Отечественной войне 1812 года как к народной стало следствием коренных перемен в его умонастроении, совершившихся под воздействием французской революции и укрепленных затем опытом народной борьбы с иноземным захватчиком.

Смысл изменений в общественных и литературных взглядах Крылова состоял в том, что, отбросив абстрактные представления о добре и зле, бедности и богатстве,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru

писатель обратился к реальным отношениям людей в обществе и высказал суждения о них, исходя из конкретных нравственных оценок. Тем самым он во многом преодолел представления просветителей о роли чистого разума в истории и по-новому взглянул на действительность. Все это, кстати, и предопределило переход к жанру, долгое время считавшемуся «низким», – басне.

Отныне Крылов смеется над отвлеченными, умозрительными, по его мнению, теориями просветителей и прекраснотушными, чувствительными иллюзиями сентименталистов.

Так, в басне «Лягушки, просящие Царя» Крылов подверг сомнению исторический оптимизм просветителей, полагавших, что посредством «головных» теорий можно создать справедливое «разумное» государство.

Однако это не означало, что Крылов принимал существующий порядок. Напротив, он, по свидетельству современников, был убежден в несправедливости существующего режима, заключающего в себе большое зло. В баснях Крылов отразил свое мнение с исчерпывающей полнотой и несомненной очевидностью. Недаром декабристы видели в Крылове своего союзника. Сам же баснописец внимательно приглядывался к оппозиционным кругам и 14 декабря отправился на площадь, чтобы своими глазами наблюдать восстание против царизма. Но, в отличие от декабристов, Крылов полагал, что исторически сложившийся общественный строй изживет себя также исторически, в результате собственного усовершенствования, постепенно освобождаясь от язв и пороков. Крылов не приемлет насильственных мер для устранения несправедливых социальных условий, но никогда не сомневается в пользе движения, науки, просвещения, преобразования вообще. Во имя развития, преобразования, по мысли Крылова, и надобен смех над пустотой, ленью, косностью и догматизмом. Так Крылов становится непримиримым врагом застоя, общественного и нравственного равнодушия.

В басне «Камень и Червяк» изображен камень, скрывающий под внешней скромностью вековую лень. Он обижается на дождик, который шумел «часа два-три», но которого все ждали с нетерпением. Камень недоволен:

Лежу смиренхонько, куда меня ни бросят,
А не слышал себе спасибо никогда.
Недаром, право, свет поносят:
В нем справедливости не вижу я никак.
Эти слова вызвали суровую отповедь Червяка:

Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил,
Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил;
А ты на ниве сей пустое только бремя.
В недвижно лежащем камне нет никакого «проку», тогда как дождик принес пользу.
Крылов высмеивает бездеятельность, лень, апатию, неспособность к труду.

Не случайно одно из самых употребительных понятий в баснях Крылова – дело. Всем хороши незадачливые музыканты: они «в рот хмельного не берут», «с прекрасным поведением» («Музыканты»), но петь не умеют, как не годятся в музыканты и персонажи «Квартета», у которых дело «нейдет на лад». Высмеян и «механики мудрец» («Ларчик»), так и не сумевший открыть незапертый Ларчик. Посрамлена Щука, взявшаяся ловить мышей, то есть не за свое дело («Щука и Кот»); не могут согласовать свои усилия Лебедь, Щука и Рак; «без умолку» трещит Бочка («Две Бочки»), а пользы от нее нет. Крылов потешается над пустопорожней деятельностью. Его персонажи либо не способны к реальному делу, либо не умеют за него приняться. Так выясняется другая крайность, которую он постоянно порицает, – застой, рутина, лень, ведущие к духовной и физической смерти. На одном полюсе оказываются «дерзкие безумцы», «мнимые мудрецы», ложные философы, которые наносят вред своими нежизненными проектами, а на другом – неподвижные, закостеневшие Камни и покрытые тиной Пруды. Крылов стоит за постоянное изменение и совершенствование жизни. Он знает, что течение истории неостановимо, что жизнь не может застыть на месте, что главным двигателем ее является «дело», настойчивый, упорный труд.

Для того чтобы оценить результаты социально-исторического развития с нравственной точки зрения, нужна общая мера, общий критерий, достаточно универсальный и приложимый ко всем без исключения жизненным явлениям. Русские

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
баснописцы XVIII века (А. Сумароков, В. Тредиаковский, И. Хемницер и др.) в качестве таких критериев избирали идеи, рождавшиеся в умах просвещенного дворянского сословия, и прилагали их к бытовой повседневности. Они были убеждены, что в «непросвещенной» среде не могли возникнуть разумные понятия о нравственности, а потому их следует туда привести. Крылов отказался от снисходительного и высокомерного взгляда на обыденную жизнь. Он увидел в ней борьбу противоречивых начал, положительных и отрицательных, добрых и злых. Они неотделимы от деятельности и в той же мере характеризуют ее, как польза или вред. Поэтому меру оценки Крылов находит в трудовой морали народа, которая необязательно открыто явлена в баснях, но всегда подразумевается или присутствует. Трудовой опыт народа становится почвой, на которой произрастают и культура, и наука. На нем держится весь общественный порядок.

В басне «Листы и Корни» Крылов не осуждает Листы за то, что они красивы, пышны и величавы. Корни говорят им: «Красуйтесь в добрый час!» Но баснописец высмеивает спесь, хвастовство и надменность Листов, которые недалековидно и бездумно попирают Корни, то есть тех, кто дает Листам жизнь и возможность «цвести».

А если Корень иссушится, –
Не станет дерева, ни вас, –
говорят Корни Листам. Здесь речь уже идет не о сентиментальном сочувствии к смиренным и незаметным труженикам, а о самых основах социального устройства. Процветание государства, по мысли Крылова, обусловлено незаметным трудом смиренных Корней, которые, «роясь в темноте», питают вознесшихся над ними.

Простые, естественные и разумные законы, по Крылову, – норма трудовых и социальных отношений, которая позволяет безошибочно распознать всякие, даже тщательно укрываемые и прячущиеся от глаз искусственность, фальшь, своекорыстие. Именно жизнь народа – простая и безыскусственная – становится для Крылова источником нравственных оценок.

Отделив в нравственном опыте народа случайное от закономерного, верное от неверного, баснописец как бы возвращает народу его собственную мораль, но уже очищенную от всяких случайных примесей, сконцентрированную в ясной, краткой, точной изреченности – в виде афоризмов, пословиц и поговорок. Поскольку нравственная мысль народа выражена в языке, то народный язык стал для Крылова основой, источником «слога» его басен. Но Крылов не имитировал народный язык. Он искусно обработал его и придал ему литературные формы, сохранив живые устные интонации и лукавую насмешливость народного ума. Вернувшиеся в народную среду пословицы и поговорки, созданные Крыловым, были приняты народом как его собственные.

Отказавшись от умозрительных этических принципов классицистов и сентименталистов и не допустив в басни ни отвлеченной риторики, ни сострадательной чувствительности, Крылов прояснил и обобщил национальные этические заповеди, и это стало величайшей его заслугой перед нашей нацией.

Обратившись к народной трудовой морали, которая осуждала напускное, надуманное, искусственное и поддерживала естественное, простое, Крылов неминуемо должен был прийти и пришел к новому пониманию народа. Классицисты и сентименталисты изучали народ со стороны. В их баснях народ не получал «голоса», а «низкая» действительность выглядела экзотикой, не поддающейся убедительному воспроизведению. Словом, воплощение исторически и национально характерного народного типа литературе еще не давалось.

Крылов дал «голос» самому народу. У него народ заговорил о себе. И речь его оказалась полной трезвого смысла, без идеализации, сентиментальности и восторженности и вместе с тем не утратила ни живописного слога, ни меткой образности. Каждое сословие выступило в своей словесной одежде. Баснописец не подделывался под речь крестьянина, купца, ремесленника или дворянина. Они мыслили на своем «языке» и своим языком выражали собственные им представления о жизни, которые соответствовали их социальному положению, их жизненным интересам.

Новаторство Крылова в жанре басни означало, что русская литература неуклонно развивается в сторону реализма, что она близка к созданию многосторонних народных характеров.

Жанр басни также изменился. В него вошло такое глубокое философское,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru

эстетическое, социальное содержание, которое было под стать роману или драме, в нем нашла выражение вековая мудрость народа, его житейская философия, лукавство ума.

При этом Крылов, не выходя за пределы жанра и не превращая басню в лирическое стихотворение или в бытовую новеллу, раздвигал ее содержательные границы. Крылов использовал внутренние возможности жанра, не нарушая его строения и строго соблюдая законы, согласно которым басня состоит из рассказа и морального поучения.

Басня Крылова – это и способ народного мышления, сохраняющий признаки притчеобразного, лукавого, не прямого проникновения в суть вещей, и сгусток народной мудрости, и живой рассказ, в котором персонажи действуют самостоятельно, в соответствии с их характерами. Через их непосредственные отношения проступают зримые черты того несправедливого мира, где они обитают. В свою очередь, этот мир их поведением и их устами выносит себе приговор.

Не изменяя классических басенных правил, Крылов перестраивает соотношение между рассказом и моралью, наполняет рассказ живописными подробностями, создает характеры персонажей и образ рассказчика.

Рассказчик как бы притворно доверяется персонажам и серьезно изъясняет мотивы их поведения. Он дает выговориться зверям и людям, совершить те или иные поступки, он беспристрастно передает их точки зрения. Но его мнимое простодушие подрывается полным посрамлением отрицательных персонажей. И тут обнаруживается, что простота рассказчика лукава – на самом деле он знал заранее, к чему приведет его рассказ. Результат сюжетного хода неожидан только для персонажей. Рассказчик же всегда «себе на уме». Он отлично знает достоинства и слабости своих героев, их ухищрения и уловки, которые от него не могут укрыться и не могут его обмануть. Персонажи всегда обманывают только себя.

В басне «Муравей» Крылов описывает «богатырство» и «геройство» Муравья:

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался,
И даже хаживал один на паука.

Ирония басни очевидна. Она создается при невидимом сопоставлении двух взглядов на Муравья: один из них (обычный, человеческий) скрыт, но подразумевается, другой («муравьиный») открыто выражен на утаенном фоне первого. Крылов передоверяет речь рассказчику, который сначала добросовестно излагает «молву» о Муравье, то есть смотрит на Муравья глазами его обыкновенных собратьев, а затем прилагает иную – человеческую – меру оценки. У богатыря Муравья, совсем как у какого-нибудь человека, великого силача и отважного воина, есть и свой «историк». О Муравье гремит слава, а один из его подвигов – «и даже хаживал один на паука» – превышает всякую доступную разуму степень доблести. Пока Муравей находится в своем царстве, он богатырь. Связующим звеном между «муравьиной» и «человеческой» правдами становится нрав Муравья: он чванлив и верит «лишним хвалам». В этом месте рассказчик переходит на иную, человеческую, правду и включает в речь свои оценки:

А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться...
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво вполз
И въехал в город очень пышно...

Муравей въезжает в город как триумфатор. Рассказчик уже не скрывает своей насмешки. Как только Муравей оказался не в своей родной среде, его, как он ни старается, просто перестают замечать:

Никто не видит Муравья.

Так, через рассказ, Крылов показывает истинное место Муравья «в подсолнечной», во вселенной.

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru

Крылов всегда находится не только рядом с персонажами – он проникается их мыслями, чувствами. В басне «Пестрые Овцы» перед Львом стоит сложная задача: он хотел бы избавиться от Пестрых Овец, но не знает, как известить их, так чтобы «сберечь свою на свете славу». Ему, конечно, не трудно передуть Пестрых Овец, однако как царь он должен соблюдать законность и не хочет, чтобы его венец в глазах подданных померк. Тогда он собирает совет. На помощь ему приходит Лиса:

Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягняток...
Под видом сентиментальной заботы скрывается угодный Льву замысел, потому что в пастухи Пестрым Овцам Лиса предлагает волков:

Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни случилось, ты будешь в стороне.
Мнение Лисы взяло верх в совете, и теперь не только Пестрых – и гладких Овец не стало, но и на Льва не пало подозренье:

Какие ж у зверей пошли на это толки? –
Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.
Басня направлена против деспотизма. Баснописец убежден в том, что уклад деспотического государства исключает справедливость и человечность. Народная мудрость сохранила не только положительные черты нации, но и отрицательные стороны ее житейского опыта. Баснописец не удовлетворен глубиной проникновения народного сознания в смысл социальных условий, рабской моралью, наивностью, ложной чувствительностью, скороспелыми и поверхностными суждениями. Крылов поэтому далеко не всегда стоит на стороне житейской мудрости. Он, например, в басне «Пестрые Овцы» смеется над ней, проводя свою мораль в рассказе. Но столь же многочисленны басни, в которых фабулист (так в старину называли баснописцев) присоединяется к народному мнению. В целом народ, по мысли Крылова, живет по своим нравственным законам и не принимает несправедливой морали, торжествующей в действительности, смотрит на нее как на зло, хотя и закрепляет ее образчики в пословицах и поговорках.

Персонажи крыловских басен живут в жестоком мире, где царят угнетение, взятка, кумовство, темные страсти, ложные интересы, преувеличенное, хвастливое мнение о себе, чванство, спесь, лицемерие, глупость. Здесь погибают слабые, добрые, искренние и простые. Здесь нет места откровенности, дружбе; здесь даже гостеприимство превращается в мучительство («Демьянова уха»), здесь идут глупые споры о первенстве и сильные, терзающие слабых, всегда уходят от возмездия. В одной из самых социально острых басен «Мор зверей» рассказывается о том, как «лютейший бич небес» – страшная болезнь поразила звериное царство. Лев созвал совет, чтобы, принеся жертву, откупиться от разгневанных богов. Он призывает зверей покаяться в совершенных грехах и по доброй воле во имя спасения всех остальных отдать себя на заклятие. Хищники восприняли слова Льва как уловку и обратили себе же на пользу, доказывая, сколь мала их вина. Их искренность – средство собственного спасения и одновременно морального побуждения других зверей к откровенности и жертвенности. Лиса, например, сказала Льву:

Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
Все сильные вышли правыми и чуть ли не святыми. Когда дошла очередь до Вола, то простак Вол тоже рассказал о своем грехе:

Из стога у попа я клок сенца стянул.
Конечно, его сразу обвинили в злодействе и приговорили сжечь на костре.

Крылов восстанавливает истину: дело не только в смирении, не только в том, что смиренный неизбежно оказывается виноватым, но и в высоком духе простого, честного и мужественного человека. Там, где процветает лицемерие, себялюбивый расчет, там всегда поруганы и обречены на гибель простые, героические люди. При всем этом Крылов испытывал доверие к жизни и надеялся, что в конце концов ложные взгляды и низкие страсти сменятся мудрыми, простыми и естественными.

Жанр басни под пером Крылова оказался способным нести передовые идеи века и вместил большое философско-социальное содержание. Крылов придал басне

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
совершенную и отточенную форму.

Значение Крылова глубоко постиг Гоголь. «Его притчи, – писал он, – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа... Вообще, – продолжал он, – его занимали вопросы важные... поэт и мудрец слились в нем воедино». В этом итоге и заключается, пожалуй, то, кем был и остался Крылов.

В. Коровин

Басни[1]

Из «Книги первой»

Ворона и лисица[2]

Уж сколько раз твердили миру,
что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, –

ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещунья с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье сперло, –

и на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Дуб и трость[3]

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.

«Поистине, роптать ты вправе на природу, –

Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжел.

Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,

Ты зашатаешься, начнешь слабеть

И так нагнешься сиротливо,

что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как наравне с Кавказом, горделиво,

не только солнца я препятствую лучам,

но, посмеваяся я вихрям и грозам,

Стою и тверд и прям,

как будто б огражден ненарушимым миром:

Тебе все бурей – мне все кажется зефиром[4].

Хотя б уж ты в окружности росла,

Густою тению ветвей моих покрытой,

От непогод бы я быть мог тебе защитой;

но вам в удел природа отвела

Брега бурливого Эолова[5] владенья:

Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».

«Ты очень жалостлив, – сказала Трость в ответ,

однако не крушись: мне столько худа нет.

не за себя я вихрей опасуюсь;

хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

так бури мало мне вредят;

едва ль не более тебе они грозят!

то правда, что еще доселе их свирепость

твою не одолела крепость

и от ударов их ты не склонял лица;

но – подождем конца!»

Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней[6] пятою упирался.
Музыканты[7]
Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем,
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»
«То правда, – отвечал хозяин с умиленьем, –
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».
А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумей.
Ворона и курица[8]
Когда Смоленский князь[9],
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам[10] новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? –
Ей с возу Курица кричит. –
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? –
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей[11] –
Она сама к ним в суп попалась.
Так часто человек в расчетах слеп и глуп[12].
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься –
Попался, как ворона в суп!
Ларчик[13]
Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.
К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так, он и без замка,

А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.
Лягушка и вол[14]
Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» –
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего».
«Ну, как теперь?» – «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Воллом,
С натуги лопнула и – околела.
Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая – как знатный дворянин?

Парнас[15]
Как в Греции богам пришли минуты грозны
И стал их колебаться трон;
Иль так сказать, простее взявши тон,
Как боги выходить из моды стали вон,
То начали богам прижимки делать розны:
Ни храмов не чинить, ни жертв не отпускать;
Что боги ни скажи, всему смеяться;
И даже, где они из дерева случатся,
Самых их на дрова таскать.
Богам худые шутки:
Житье теснее каждый год,
И наконец им сказан в сутки
Совсем из Греции поход.
Как ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конец: давай с богов лупить
Все, что они успели накопить.
Не дай бог из богов разжаловану быть!
Угоды божески миряна расхватили.
Когда делить их стали,
Без дальних выписок и слов
Кому-то и Парнас[16] тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».
«Смотрите же, – кричит один, – не унывай!

Я затыну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер[17]
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.
Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнеенье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.
Оракул
В каком-то капище[18] был деревянный бог[19],
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо:
Как вдруг – о чудо, о позор! –
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему за чем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой, и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.
Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.
Роща и огонь[20]
С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет –
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.
Зимой Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?»
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», –
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! – Огонь ей продолжает. –

Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там все или цветет, иль зреет:
А все за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится огнем; Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло все вконец, – и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружить?
Волк и ягненок[21]
У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.
Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!»
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», –
Ягненок говорит. «Так это был твой брат».
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи.
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».
«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал – и в темный лес ягненка поволок.

Обезьяны[22]

Когда перенимать с умом, тогда не чудо

И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И Боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на все не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж, – говорят они, – и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками.
Они, чтоб наутек,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.
Синица[23]
Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей нептуновой столицы[24]:
Летят стадами птицы,
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый[25]
Не давал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.
Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:

Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.
Осел
Когда вселенную Юпитер[26] населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осел тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или имея дел беремя,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель[27] оплошал:
А вылился Осел почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осел не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться:
Но чем? Имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй, – говорит, – как можно это снести?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Все речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что наконец моления Ослова
Послушался Зевес:
И стал Осел скотиной превеликой,
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес[28]
Пораспугал было весь лес.
«Что́ то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем все кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в пословицу вошел,
И на Осле уж возят воду.
В породе и в чинах высокость хороша;
Да что́ в ней прибыли, когда низка душа?
Мартышка и очки[29]
Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она. – И тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.
Червонец

Полезно ль просвещение?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовем
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравов развращенье:
Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.
Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел Червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков пригоршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же, – думает мужик, – дадут мне вдвое:
Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет.
И подлинно как жар Червонец заиграл,
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.
Из «Книжки второй»
Лягушки, просящие царя [30]
Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснул на царство,
Что ходоном пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,

Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком,
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и – проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, –
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже;
Другой вам дан – так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»
Лев и барс[31]
Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вел предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правам – не тот у них был нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто слепы,
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав.
Однако, наконец, не вечно ж драться –
И когти притупятся;
Герои по правам решились разобраться;
Намерились дела военны прекратить,
Окончить все раздоры,
Потом, как водится, мир вечный заключить
До первой ссоры.
«Назначим же скорей
Мы от себя секретарей, –
Льву предлагает Барс, – и как их ум рассудит,
Пусть так и будет.
Я, например, к тому определяю кота:
Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста,
А ты осла назначь: он знатного же чина,
И, к слову молвить здесь,
Куда он у тебя завидная скотина!
Поверь, как другу, мне: совет и двор твой весь
Его копытца вряд ли стоят.

Положимся ж на том,
 На чем
 С моим котишком он устроит».

И Лев мысль Барса утвердил
 Без спору;
 Но только не осла, лисицу нарядил
 Он от себя для этого разбору,
 Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
 «Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет».

Мор зверей[32]
 Лютейший бич небес, природы ужас – мор
 Свирепствует в лесах. Уняли звери;
 В ад распахнулись настезь двери:
 Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
 Везде разметаны ее свирепства жертвы, –
 Неумолимая, как сено, косит их,
 А те, которые в живых,
 Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
 Перевернул совсем их страх.
 Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
 Не давит волк овец и смирен, как монах;
 Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
 Им и еда на ум нейдет.
 С голубкой голубь врознь живет,
 Любви в помине больше нет:
 А без любви какое уж веселье?
 В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
 Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
 Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
 Уставили глаза и приложили уши.
 «О други! – начал Лев. – По множеству грехов
 Подпали мы под сильный гнев богов,
 Так тот из нас, кто всех виновен боле,
 Пускай по доброй воле
 Отдаст себя на жертву им!
 Быть может, что богам мы этим угодим,
 И теплое усердье нашей веры
 Смягчит жестокость гнева их.
 Кому не ведомо из вас, друзей моих,
 Что добровольных жертв таких
 Бывали многие в истории примеры?
 Итак, смиря свой дух,
 Пусть исповедует здесь всякий вслух,
 В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
 Покаемся, мои друзья!
 Ох, признаюсь – хоть это мне и больно –
 Не прав и я!
 Овечек бедненьких – за что? – совсем безвинно
 Дирал бесчинно;
 А иногда – кто без греха? –
 Случалось, драл и пастуха:
 И в жертву предаюсь охотно.
 Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
 Свои грехи: на ком их боле есть,
 Того бы в жертву и принести, –
 И было бы богам то более угодно».

«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, –
 Лисица говорит, – в грех это ставишь ты.
 Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
 То придет с голоду пропасть нам наконец;
 Притом же, наш отец,
 Поверь, что это честь большая для овец,
 Когда ты их изволишь кушать.
 А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
 Их чаще так учить – им это поделом.
 Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит
 И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,

Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клочок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасти и нравы от заразы!
Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили –
И на костер Вола взвалили.
И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.
Собачья дружба[33]
У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись,
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, –
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О хude, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может, – говорит Полкан, – приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
«А что же? это дело! –
Барбос отвечает ему. –
Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши времена! –
Вскричал Полкан. – Дай лапу!» – «Вот она!»

И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» – «Мой Пилад[34]!» Прочь свары, зависть, злость!
Тут повар, на беду, из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, –
Лишь только клочья вверх летят: Насилу наконец их рóзлили водою.
Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей лъзя[35] молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа, –
А только кинь им кость, так что твои собаки!
Волк на псарне[36]
Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» –
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! – кричат. – Огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец, –
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья, к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры:
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед, –
Тут ловчий перервал в ответ, –
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Бочка[37]

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе – вещь святая!
Вот если б дело шло о дёньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать, –
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошел от ней во всем:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться дает;
Но чем ту Бочку ни нальет,

А винный дух все вон нейдет,
И с Бочкой наконец он принужден расстаться.
Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А все им будешь отзываться.
Ручей[38]
Пастух у Ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягненок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твое
Так было, как мое,
Для всех и ясно, и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И в темных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки, и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
Не приключая нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;
Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?
Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нем стадом,
А хижинки его пропали и следы.
Как много ручейков текут так смирно, гладко
И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!
Лисица и сурок
«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» –
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска недоедала,
Ночей недосыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
«Нет, кумушка; а видывал частенько,

что рыльце у тебя в пуху».
Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, –
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.
Стрекоза и муравей[39]
Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же попляши!»

Лжец[40]
Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет, – говорит, – что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый Божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой Творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина! – приятель отвечал. –

На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет;
До половины не дойдет –
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дóмы:
В один двоим за нúжду влезть,
И то ни стать ни сесть!»
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, –
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».
Щука и кот[41]
Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямеи и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.
Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? –
Стал Щуке Васька говорить. –
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей».
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, –
И крысы хвост у ней отъели[42].
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

Крестьянин и работник
Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят[43],
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!
Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь надел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милой!» –
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, – говорит, – за что?» – «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»
Петух и жемчужное зерно[44]
Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.
Обоз[45]
С горшками шел обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;

Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
или в ночную пору, –
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронүлася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу
По камням, рытвинам; пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже[46].
Вороненок[47]
Орел
Из-под небес на стадо налетел
и выхватил ягненка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж братъ так братъ,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого!
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъем.
Издадьясь, на него спустился
и в шерсть ему что силы есть вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый
и кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
и детям отдали играть.
Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
что сходит с рук вора, за то воришек бьют.[48]
Слон на воеводстве[49]
кто знатен и силен,
да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.
На воеводство был в лесу посажен Слон.

Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О плуты! – Слон кричит. – Какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволение?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять [50];
Да и того им жаль отдать».
«Ну то-то ж, – говорит им Слон, – смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».
Осел и соловей [51]
Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал [52]:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры [53]:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, – говорит, – сказать нележно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.
Избави бог и нас от таких судей.

Из «Книги третьей»
Откупщик и сапожник [54]
Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты;
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он недосыпает.
Уж Божьего ль боится он суда
Иль просто трусит разориться:
Да только все ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда

Он вздремлет на заре, так новая беда:
 Бог дал ему певца соседа.
 С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
 Сапожник, но такой певун и весельчак,
 что с утренней зари и до обеда,
 С обеда до ночи без умолку поет
 и богачу заснуть никак он не дает.
 Как быть и как с соседом сладить,
 чтоб от пенья его отвадить?
 Велеть молчать: так власти нет;
 Просил: так просьба не берет.
 Придумал наконец и за соседом шлет.
 Пришел сосед.
 «Приятель дорогой, здорово!»
 «Челом вам бьем за ласковое слово».
 «Ну, что, брат, каково делишки, Клим, идут?»
 (В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)
 «Делишки, барин? Да не худо!»
 «Так оттого-то ты так весел, так поешь?
 Ты, стало, счастливо живешь?»
 «На Бога грех роптать, и что ж за чудо?
 Работою завален я всегда;
 Хозяйка у меня добра и молода:
 А с добрую женой, кто этого не знает,
 Живется как-то веселей».
 «И деньги есть?» – «Ну нет, хоть лишних не бывает,
 Зато нет лишних и затей».
 «Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»
 «Я этого не говорю,
 Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
 Но сам ты, барин, знаешь,
 что человек, пока живет,
 Все хочет более: таков уж здешний свет.
 Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,
 И мне бы быть богачей не мешало».
 «Ты дело говоришь, дружок:
 Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
 Хоть говорят, что бедность не порок,
 Но все уж коль терпеть, так лучше от богатства.
 Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:
 Ты мне за правду полюбился.
 Поди: дай Бог, чтоб ты с моей руки разжился.
 Смотри, лишь промотать сих денег не моги
 И к нужде их ты береги!
 Пять сот рублей тут верным счетом,
 Прощай!» Сапожник мой,
 Схватя мешок, скорей домой
 Не бегом – лётот;
 Примчал гостинец под полой;
 И той же ночи в подземелье
 Зарыл мешок – и с ним свое веселье!
 Не только песен нет, куда девался сон
 (Узнал бессонницу и он!);
 Все подозрительно, и все его тревожит:
 Чуть ночью кошка заскребет,
 Ему уж кажется, что вор к нему идет:
 Похолодеет весь, и ухо он приложит.
 Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться в реку.
 Сапожник бился, бился
 И наконец за ум хватился:
 Бежит с мешком к Откупщику
 И говорит: «Спасибо на приятстве,
 Вот твой мешок, возьми его назад:
 Я до него не знал, как худо спят.
 Живи ты при своем богатстве;
 А мне, за песни и за сон,
 Не надобен и миллион».
 Волк и волчонок[55]

Волчонка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отведать:
Хоть, захватя греха,
На счет бы пастуха
Позавтракать иль пообедать!
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдем скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесть».
«Постой-ка, – Волк сказал, – сперва мне ведать надо,
Каков пастух у стада?»
«Хоть говорят, что он
Не плох, заботлив и умен,
Однако стадо я обшел со всех сторон
И высмотрел собак: они совсем не жирны,
И плохи, кажется, и смильны».
«Меня так этот слух, –
Волк старый говорит, – не очень к стаду манит;
Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадешь в беду!
Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сбережем верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».
Слон и моська[56]
По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ –
Известно, что Слоны в диковинку у нас, –
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, –
Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает».
«Эх, эх! – ей Моська отвечает. –
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пусть же говорят собаки:
„Ай, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на Слона!“»

Обезьяна[57]

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.
Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать[58]!

Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесет,
То так, то сяк его обхватит,
То поволóчет, то покатит;
Рекой с бедняжки льется пот;
И наконец она, пыхтя, насилиу дышит:
А все ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.
Кот и повар[59]
Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
в кабак (он набожных был правил
и в этот день по кúме тризну правил[60]),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! –
Тут Ваську Повар укоряет. –
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, –
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
„Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!“»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.
Лев и комар[61]
Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач, пишит во всю гортань
и вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
и Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.

Лев голову крутит, Лев гривую трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами,
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром[62]
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.
Огородник и философ[63]
Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж, и свеж на взгляд;
Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названный друг природы,
Недоученный философ,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить,
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моею
Далёко от тебя уеду,
И огород твой при моем
Казаться будет пустырем.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идет.
Как ты еще не разорился?
Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
«И некогда, – соседа был ответ. –
Прилежность, навык, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне Бог и с ними хлеб дает».
«Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов».
«А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дождаться...»
«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд еще не взрыл».
«Да, я не взрыл, за недосугом:
Я все читал
И вычитал,
Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
Но время еще не уйдет».
«Как вас, а нас оно не очень ждет», –
Последний отвечал и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;
А философ пошел домой:
Читал, выписывал, справлялся
И в книгах рылся и в грядках, –
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работою сладит,
Чуть на грядках лишь что взойдет,

В журналах новость он найдет –
Все перероет, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же вылился конец?
У Огородника взошло все и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А философ –
Без огурцов.
Крестьянин и лисица[64]
«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? –
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. –
Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоем,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет,
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?»
«Кому такая жизнь сносна? –
Лисица отвечает. –
Меня так все в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож».
«Ну что ж? –
Крестьянин говорит. – Коль вправду ты не лжешь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чем не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг слажен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житье Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но все не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.
В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион –
Он воровать не перестанет.
Воспитание льва[65]
Льву, Кесарю[66] лесов, Бог сына даровал.
Звериную вы знаете природу:
У них не как у нас – у нас ребенок году,
Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал;
А годовалый Львенок
Давно уж вышел из пеленок.
Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,
Чтобы сынка невеждой не оставить,
В нем царску честь не уронить
И чтоб, когда сынку придется царством править,
Не стал бы за сынка народ отца бранить.

Кого ж бы попросить, нанять или заставить
Царевича царем на выучку поставить?
Отдать его Лисе – Лиса умна:
Да лгать великая охотница она;
А со лжецом во всяком деле мука:
Так это, думал Царь, не царская наука.
Отдать Кроту: о нем молва была,
Что он во всем большой порядок любит:
Без ошупи шага не ступит
И всякое зерно для своего стола
Он сам и чистит, сам и лупит;
И, словом, слава шла,
Что Крот великий зверь на малые дела:
Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видят ничего;
Порядок же Кротов хорош, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барс отважен и силен,
А сверх того, великий тактик он;
Да Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин;
А Барс лишь резаться горазд:
Так и детей учить он царских недостоин.
Короче: звери все, и даже самый Слон,
Который был в лесах почтен,
Как в Греции Платон[67],
Льву все еще казался не умен
И не учен.
По счастью или нет (увидим это вскоре),
Услышав про Царево горе,
Такой же царь, пернатых царь, Орел,
Который вел
Со Львом приязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу
И вызвался сам Львенка воспитать.
У Льва как гору с плеч свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было
Царевичу царя в учителя сыскать?
Вот Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать к Орлу.
Проходит год и два; меж тем, кого ни спросят,
О Львенке ото всех лишь слышат похвалу:
Все птицы чудеса о нем в лесах разносят.
И наконец приходит срочный год,
Царь Лев за сыном шлет.
Явился сын; тут Царь собирает весь народ,
И малых и больших сзывает;
Сынка целует, обнимает,
И говорит ему он так: «Любезный сын,
По мне наследник ты один;
Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь:
Так я тебе охотно царство сдам.
Скажи теперь при всех лишь нам,
Чему учен ты, что ты знаешь
И как ты свой народ счастливым сделать чаешь?»
«Папа, – отвечивал сынок, – я знаю то,
Чего не знает здесь никто:
И от Орла до Перепелки,
Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живет,
Какие яйца несет,
И птичьи нужды все сочту вам до иголки.
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звезды;

Когда ж намерен ты правленью мне вручить,
То я тотчас начну зверей учить
вить гнезды[68]».
Тут ахнул Царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик позднею спохватился,
что Львенок пустякам учился
и не добро он говорит;
что пользы нет большой тому знать птичий быт,
кого зверьми владеть поставила природа,
и что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
и выгоды земли своей.

Гуси[69]
Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
и, правду истинну сказать,
не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
на барыши спешил к базарному он дню
(а где до прибыли коснется,
не только там гусям, и людям достается).
я мужика и не виню;
но Гуси иначе об этом толковали
и, встретясь с прохожим на пути,
вот как на мужика пеняли:
«где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
и нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
а этого не смыслит неуч сей,
что он обязан нам почтеньем;
что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
которым некогда был должен Рим спасеньем:
там даже праздники им в честь учреждены!»
«а вы хотите быть за что отличены?»
спросил прохожий их. – «да наши предки...» – «знаю
и все читал; но ведать я желаю,
вы сколько пользы принесли?»
«да наши предки Рим спасли!»
«все так, да вы что сделали такое?»
«мы? ничего!» – «так что ж и доброго в вас есть?
оставьте предков вы в покое:
им поделом была и честь;
а вы, друзья, лишь годны на жаркое».
Баснь эту можно бы и боле пояснить –
да чтоб гусей не раздражить.

Свинья[70]
Свинья на барский двор когда-то затесалась;
вокруг конюшен там и кухню наслонялась;
в сору, в навозе извалялась;
в помоях по уши досыта накупалась
и из гостей домой
пришла свинья свиньей.
«ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? –
Свинью спросил пастух. –
ведь идет слух,
что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
а в доме так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «ну, право, порют вздор.
я не заметила богатства никакого:
все только лишь навоз да сор;
а, кажется, уж, не жалея рыла,
я там изрыла
весь задний двор».
не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
но как же критика Хавроньей не назвать,
который, что ни станет разбирать,
имеет дар одно худое видеть?

Муха и дорожные[71]

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он
И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится:
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперек шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет
И только плачется на то,
Что ей ни в чем никто
Никак помочь не хочет.
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукуют тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всем заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащились на ровную дорогу.
«Ну, – Муха говорит, – теперя слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».
Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.
Из «Книги четвертой»

Квартет[72]

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá, альтá, две скрипки
И сели на лужок под липки, –
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. – Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! –
Кричит Осел. – Мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!»
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уметь
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей. –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».
Лебедь, щука и рак[73]
Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Листы и корни[74]
В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», –
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» –
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, –
Им снизу отвечали, –
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, –
Не станет дерева, ни вас».
Скворец
У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.

А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.
Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен честью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, –
А Скворушка завистлив был, к несчастью, –
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То непутём
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.
Пруд и река[75]
«Что это? – говорил Реке соседний Пруд. –
Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист.
Да это, право, все пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.
Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон».
«А, философствуя, ты помнишь ли закон, –
Река на это отвечает, –
Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это оттого, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,
И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году все глож,

Заволочён весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой
И наконец совсем иссох.
Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.
Тришкин кафтан[76]
У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов –
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.
Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.
Механик
Какой-то молодец купил огромный дом,
Дом, правда, дедовский, но строенный на славу:
И прочность, и уют – все было в доме том,
И дом бы всем пришел ему по нраву,
Да только-то беды –
Немножко далеко стоял он от воды.
«Ну, что ж, – он думает, – в своем добре я властен:
Так дом мой, как он есть,
Велю машинами к реке я перевезть
(Как видно, молодец механикой был страстен!),
Лишь сани под него подвезть,
Подрывшись наперед ему под основанье,
А там уже, излазя на катках,
Я вóротом, куда хочу, все зданье
Поставлю, будто на руках.
И что еще, чего не видано на свете:
Когда перевозить туда мой будут дом,
Тогда под музыкой с приятелями в нем,
Пируя за большим столом,
На новоселье я поеду, как в карете».
Пленясь глупостью такой,
И к делу приступил тотчас Механик мой.
Рабочих подрядил, под домом рылся, рылся,
Ни денег, ни забот нимало не берег;
Однако ж дома он перетащить не мог
И только до того добился,
Что дом его свалился.
Как много у людей
Затей,
Которые еще опасней и глупей!
Пустынник и медведь[77]
Хотя услуга нам при нýжде дорогá,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.
Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.

Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему Бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах – да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!» –
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть – хватить друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!
Любопытный[78]
«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!

Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд?
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
«Да разве там он?» – «Там». – «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».
Лев на ловле
Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить,
И что наловится, всё поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливым лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Делёж располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером. –
И начетверо он оленя раздирает. –
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».
Крестьяне и река[79]
Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донести!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? как подходить к Реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».
Мирская сходка[80]
Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.
В овечьи старосты у льва просился волк.
Стараньем кумушки лисицы

Словцо о нем замолвлено у львицы.
Но так как о волках худой на свете толк
И не сказали бы, что смотрит лев на лица,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин чином собраны:
Но против волка нет ни слова.
И волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? –
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.
Из «Книги пятой»
Демьянова уха[81]
«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сваренá!»
«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» –
Так потчевал сосед Демьян соседа фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.
Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.
Чиж и голубь[82]
Чижа захлопнула злодейка западня;
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.
Камень и червяк
«Как расшумелся здесь! Какой невежа! –
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа. –
А рады все ему, пожалуй – посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шел часа два-три.
Пускай же обо мне расспросят!

Так я уж веки здесь: тих, скромн завсегда.
Лежу смирихонько, куда меня ни бросят,
А не слышал себе спасибо никогда.
Недаром, право, свет поносят:
В нем справедливости не вижу я никак».
«Молчи! – сказал ему Червяк. –
Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил
Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил;
А ты на ниве сей пустое только бремя».
Так хвалится иной, что служит сорок лет:
А проку в нем, как в этом Камне, нет.
Зеркало и обезьяна
Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.
Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Медведь у пчел
Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями.
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем, что к меду Мишка падок,
Так не было б оглядок:
Да спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но меду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведет:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу теплую забрался
И лапу с медом там сосет
Да у моря погоды ждет.
Крестьянин и смерть [83]
Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров.
Нес, нес он их и утомился,
Остановился,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov1.ru

На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он Смерть: она у нас не за горами,
А за плечами.
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши ее свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопел:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».
Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.
Подагра и паук
Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
На сколько правды тут, и как, и почему;
Притом же, кажется, ему
Зажмурясь в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети – бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы, детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же отселе наперед,
Кто что из вас в удел себе возьмет.
Вон видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижинки убоги?
В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета».
«Мне хижинки ни за что не надо», –
Сказал Паук. «А мне не надобно палат, –
Подагра говорит. – Пусть в них живет мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвеченным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к рассвету, едва с работою убрался,
Пришел и щеткою все смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
Оттоле Паука метлой.
Туда-сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.

Паук в отчаяньи, и за́ город идет
Увидеться с сестрицей.
«Чай, в селах, – говорит, – живет она царицей».
Пришел – а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит:
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
«Нет, братец, – говорит она, – не жизнь мне в поле!»
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
Подагра же тотчас в дорогу;
Простилась с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.
Подагре рай! Пошло житье у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.
С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
Всяк при своем у них остался,
Доволен участью равнó:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатным;
И оба делают умнó.
Туча[84]
Над изнуренною от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ее не освежа одною,
Она большим дождем над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горю.
«Что сделала добра
Ты щедростью такую? –
Сказала ей Гора. –
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».
Клеветник и змея[85]
Напрасно про бесóв болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них идти приличней наперед.
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и немалом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вот Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул[86] не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю;

Ты зла – твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаеть без вины (и то немало!),
Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперед смиренней». —
С тех пор клеветники в аду почетней змей.
Лиса-строитель [87]
Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однако ж у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный двор
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нем довольство и простор.
Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица –
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно;
Лисой к нему приложено
Все: и старанье и уменье.
Смотрели, видели: строенье – загляденье!
А сверх того, все есть, чего ни спросишь тут:
Корм под носом, везде натыкано насесток,
От холоду и жару есть приют,
И укормные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчас повеленье:
На новоселье кур немедля перевести.
Но есть ли польза в перемене?
Нет: кажется, и крепок двор,
И плотен и высок забор –
А кур час от часу все мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерegli?
Тоё ж Лису-злодейку.
Хоть правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.
Из «Книги шестой»
Волк и пастухи [88]
Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»
Две бочки [89]
Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая – себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметься,
Ее заслышавши издалека.

Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.
Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно, – тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу Без шуму.
Мальчик и змея[90]

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, вóззрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря:
«Послушай, – говорит, – коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет.
На сей раз Бог простит; но берегись вперед
И знай, с кем шутишь!»

Пчела и мухи
Две Мухи собрались лететь в чужие кра́и
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насажали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам, – Пчела на это отвечала, –

А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала –
От поселян и до вельмож.
Но вы летите
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.
Муравей[91]

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил;
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.

На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво вполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.
Так думает иной
Затежник,
Что он в подсолнечной гремит,
А он – дивит
Свой только муравейник.
Крестьянин и змея («К Крестьянину вползла Змея...»)
К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней весной переменяла».
Однако ж Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».
И вышиб из соседки дух.
Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.
Трудолюбивый медведь[92]
Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березняка и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
«В том, – отвечал сосед, –
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».
Лисица и виноград[93]
Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,

Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

Медведь в сетях[94]

Медведь
Попался в сеть.
Над смертью издали шути как хочешь смело:
Но смерть вблизи – совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и от драки,
Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогатины, и ружья, и собаки:
Так драка не по нем.
Вот хочет Мишка взять умом
И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
я проступился пред тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль веришь клеветам напрасным на медведей,
что злы они? Ах, мы совсем не таковы!
Я, например, пошлюсь на всех соседей,
что изо всех зверей мне только одному
Никто не сделает упрека,
чтоб мертвого я тронул человека».
«То правда, – отвечал на то ловец ему, –
Хвалю к усопшим я почтение такое;
Зато, где случай ты имел,
живой уж от тебя не вырывался цел.
Так лучше бы ты мертвых ел
и оставлял живых в покое».
Из «Книги седьмой»

Совет мышей[95]

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
и, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров
и славу о своих делах трубить заставить
от погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
в котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
всегда умнее
и расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
по платью иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
у коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
но так как это знак иль неуменья,
иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Все дело слажено; повешено собранье,
как ночь настанет на дворе;
и наконец в мучном ларе
Открыто заседанье.
Но лишь позаняли места,
ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
мышонок молодой
и говорит: «Какой судьбой

Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю сгубит».
А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама[96];
Да эта крыса мне кума».
Булыжник и алмаз
Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось наконец купцу его найти.
Он от купца
Царю представлен,
Им куплен, в золото оправлен
И украшением стал царского венца.
Узнав про то, Булыжник развозился,
Блестящею судьбой Алмаза он прельстился,
И, видя мужика, его он просит так:
«Пожалуйста, земляк,
Возьми меня в столицу ты с собою!
За что здесь под дождем и в слякоти я ною?
А наш Алмаз в чести, как говорят.
Не понимаю я, за что он в знать попался?
Со мною сколько лет здесь рядом он валялся;
Такой же камень он и мне набитый брат.
Возьми ж меня. Как знать? Коль там я покажуся,
То также, может быть, на дело пригожуся».
Взял камень мужичок на свой тяжелый воз,
И в город он его привез.
Ввалился камень мой и думает, что разом
Засядет рядом он с Алмазом;
Но вышел для него случай совсем иной:
Он точно в дело взят, но взят для мостовой.
Свинья под дубом[97]
Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».
«Неблагодарная! – промолвил Дуб ей тут. –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».
Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Крестьянин и змея («Когда почтен быть хочешь у людей...»)
Когда почтен быть хочешь у людей, –
С разбором заводи знакомства и друзей!
Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужикину она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте, – Мужик пеняет, –

За что вы все покинули меня?
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?»
«Нет, – кум Матвей сказал ему в ответ, –
К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, не опечалил:
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»
Паук и пчела[98]
По мне, таланты те негодны,
В которых свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится свет.
Купец на ярмарку привез полотны;
Они такой товар, что надобны для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идет с рук,
Завистливый Паук
На барыши Купца прельстился;
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на диво,
Засел, надувшись спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупателей к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот, – говорит, – жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
Купцово или мое?»
«Твое: кто в этом спорить смеет? –
Пчела отвечает. – Известно то давно;
Да что в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»
Лисица и осел[99]
«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» –
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И оплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льва, конечно, не дерзнул?» –
Лиса Осла перерывает.
«Вот на! – Осел ей отвечает. –
А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»
Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.
Пестрые овцы[100]

Лев Пестрых невзлюбил Овец.
Их просто бы ему перевести нетрудно;
Но это было бы неправосудно –
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть Пеструю Овцу терпенья нет!
Как сбуть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет –
И им за тайну открывает,
Что, видя Пеструю Овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает,
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! – сказал, насупясь, Медведь.
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи Овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И чтоб ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что наконец
Не только Пестрых там Овец –
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? –
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.
Котел и горшок[101]
Горшок с котлом большую дружбу свел.
Хотя и познатней пороною Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за свата;
Горшок с котлом запанибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовет;
Горшок наш от котла никак не отстаёт
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустились друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.
Где горки, рытвины, ухабы –
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад.
Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с котлом чугуном так сдружился.
Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,
Что цел домой Котел с дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.
Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь святая.
Дикие козы[102]
Пастух нашел зимой в пещере Диких Коз;

Он в радости богов благодарит сквозь слез:
«Прекрасно, – говорит, – ни клада мне не надо,
Теперь мое прибудет вдвое стадо;
И недоем и недосплю,
А милых козочек к себе я прикормлю
И паном заживу у нас во всем полесье.
Ведь пастуху стада, что барину поместье:
Он с них оброк волной берет
И масла и сыры скопляет.
Подчас он тож и шкурки с них дерет;
Лишь только корм он сам им промышляет,
А корму на зиму у пастуха запас!»
Вот от своих овец к гостям он корм таскает;
Голубит их, ласкает;
К ним на день ходит по сту раз;
Их всячески старается привадить.
Убавил корму у своих,
Теперь покамест не до них,
И со своими ж легче сладить:
Сенца им бросить по клочку,
А станут приступать, так дать им по толчку,
Чтоб менее в глаза совались.
Да только вот беда: когда пришла весна,
То козы дикие все в горы разбежались,
Не по утесам жизнь казалась им грустна;
Свое же стадо захирело
И все почти переколело:
И мой пастух пошел с сумой,
Хотя зимой
На барыши в уме рассчитывал прекрасно.
Пастух! тебе теперь я молвлю речь:
Чем в Диких коз терять свой корм напрасно,
Не лучше ли бы коз домашних побережь?
Соловьи[103]
Какой-то птицелов
Весною наловил по рощам Соловьев.
Певцы рассажены по клеткам и запели,
Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:
Когда сидишь в тюрьме, до песен ли уж тут?
Но делать нечего: поют,
Кто с горя, кто от скуки.
Из них один бедняжка Соловей
Терпел всех боле муки:
Он разлучен с подружкой был своей,
Ему тошнее всех в неволе.
Сквозь слез из клетки он посматривает в поле;
Тоскует день и ночь;
Однако ж думает: «Злу грустью не помочь:
Безумный плачет лишь от бедства,
А умный ищет средства,
Как делом горю пособить;
И, кажется, беду могу я с шеи сбить:
Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать,
Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.
Так если голосом ему я угожу,
Быть может, тем себе награду заслужу,
И он мою неволю окончат».
Так рассуждал – и начал мой певец:
И песнью он зарю вечерню величает,
И песнями восход он солнечный встречает.
Но что же вышло наконец?
Он только отягчил свою тем злую долю.
Кто худо пел, для тех давно
Хозяин отворил и клетки и окно
И распустил их всех на волю;
А мой бедняжка Соловей
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

Голик [104]

Запачканный Голик попал в большую честь –
Уж он полов не будет в кухнях мечь:
Ему поручены господские кафтаны
(Как видно, слуги были пьяны).
Вот развозился мой Голик:
По платью барскому без усталы колотит,
И на кафтанах он как будто рожь молотит.
И подлинно, что труд его велик.
Беда лишь в том, что сам он грязен, неопрятен.
Что ж пользы от его труда?
Чем больше чистит он, тем только больше пятен.
Бывает столько же вреда,
Когда
Невежда не в свои дела вплетется
И поправлять труды ученого возьмется.
Крестьянин и овца
Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья – Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу.
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались;
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного.
А приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

Скупой [105]

Какой-то домовый стерег богатый клад,
Зарытый под землей; как вдруг ему наряд
От демонского воеводы
Лететь за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть рад или не рад,
Исполнить должно повеленье.
Мой домовый в большом недоуменье,
Как без себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовые:
Расходы надобно большие;
Оставить так его: так может клад пропасть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могут и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочет, думает и вздумал наконец.
Хозяин у него был скряга и скупец.
Дух, взяв сокровище, является к Скупому
И говорит: «Хозяин дорогой!
Мне в дальние страны показан путь из дому;
А я всегда доволен был тобой,

Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ешь и веселись
И трать их без боязни!
Когда же придет смерть твоя,
То твой один наследник я:
Вот все мое условие;
А впрочем, да продлит судьба твое здоровье!»
Сказал – и в путь. Прошел десяток лет, другой.
Исправя службу, домовою
Летит домой,
В отечески пределы.
Что ж видит? О восторг! Скупой с ключом в руке
От голоду издох на сундуке –
И все червонцы целы.
Тут дух опять свой клад
Себе присвоил
И был сердечно рад,
Что сторож для него ни денежки не стоил.
Когда у золота скупой не ест, не пьет, –
Не домовому ль он червонцы бережет?
Волк и мышонок
Из стада серый Волк
В лес бóвцу заташил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мясца – и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»
Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча-судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: караул!
Два мужика
«Здорово, кум Фаддей!» – «Здорово, кум Егор!»
«Ну, каково, приятель, поживаешь?»
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
И по миру пошел с тех пор».
«Как так? Плохая, кум, игрушка!»
«Да так! О Рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошел дать корму лошадям;
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» – «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, Бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я, тож о Рождестве, пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул;
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем нечеловека,

И вот я с той поры калека».
 «Пеняйте на себя, друзья! –
 Сказал им сват Степан. – Коль молвить правду, я
 Совсем не чту за чудо,
 Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
 Для пьяного и со свечою худо;
 Да вряд не хуже ль и впотьмах».
 Котенок и скворец
 В каком-то доме был Скворец,
 Плохой певец;
 Зато уж философ презнатный,
 И свел с Котенком дружбу он.
 Котенок был уж котик преизрядный,
 Но тих, и вежлив, и смирен.
 Вот как-то был в столе Котенок обделен.
 Бедняжку голод мучит:
 Задумчив бродит он, скучаючи постом;
 Поводит ласково хвостом
 И жалобно мяучит.
 А философ Котенка учит
 И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
 Что терпишь добровольно пост;
 А в клетке над носом твоим висит щегленок;
 Я вижу, ты прямой Котенок».
 «Но совесть...» – «Как ты мало знаешь свет!
 Поверь, что это сущий бред
 И слабых душ одни лишь предрассудки,
 А для больших умов – пустые только шутки!
 На свете кто силен,
 Тот делать все волён.
 Вот доказательства тебе и вот примеры».
 Тут, выведя их на свои манеры,
 Он философию всю вычерпал до дна.
 Котенку натошак понравилась она:
 Он вытащил и съел щегленка.
 Разлакомил кусок такой Котенка,
 Хотя им голода он утолить не мог.
 Однако же второй урок
 С большим успехом слушал
 И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
 Наставил ты меня на ум».
 И, клетку разломав, учителя он скушал.
 Две собаки[106]
 Дворовый верный пес
 Барбос,
 Который барскую усердно службу нес,
 Увидел старую свою знакомку
 Жужу, кудрявую болонку,
 На мягкой пуховой подушке, на окне.
 К ней ластяся, как будто бы к родне,
 Он, с умиленья, чуть не плачет
 И под окном
 Визжит, вертит хвостом
 И скачет.
 «Ну что, Жужутка, как живешь,
 С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
 Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
 Какую службу ты несешь?»
 «На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает, –
 Мой господин во мне души не чаает;
 Живу в довольстве и добре,
 И ем и пью на серебре;
 Резвлюся с барином; а ежели устану,
 Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
 Ты как живешь?» – «Я, – отвечал Барбос,
 Хвост плетью опустя и свой повеса нос, –
 Живу по-прежнему: терплю и холод
 И голод

И, сберегаючи хозяйский дом,
 Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
 А если невпопад залаю,
 То и побои принимаю.
 Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
 Бессилен бывши так и мал,
 Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
 Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно! –
 С насмешкой отвечал Жужу. –
 На задних лапках я хожу».
 Как счастье многие находят
 Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!
 Кошка и соловей[107]
 Поймала Кошка Соловья,
 В бедняжку когти запустила
 И, ласково его сжимая, говорила:
 «Соловушка, душа моя!
 Я слышу, что тебя везде за песни славят
 И с лучшими певцами рядом ставят.
 Мне говорит лиса-кума,
 Что голос у тебя так звонок и чудесен,
 Что от твоих прелестных песен
 Все пастухи, пастушки – без ума.
 Хотела б очень я сама
 Тебя послушать.
 Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
 Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
 Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
 И отпущу гулять по рощам и лесам.
 В любви я к музыке тебе не уступаю
 И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
 Меж тем мой бедный Соловей
 Едва-едва дышал в когтях у ней.
 «Ну что же? – продолжает Кошка. –
 Пропой, дружок, хотя немножко».
 Но наш певец не пел, а только что пищал.
 «Так этим-то леса ты восхищал? –
 С насмешкою она спросила. –
 Где ж эта чистота и сила,
 О коих все без умолку твердят?
 Мне скучен писк такой и от моих котят.
 Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен.
 Всё без начала, без конца!
 Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
 И съела бедного певца –
 До крошки.
 Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
 Худые песни Соловью
 В когтях у Кошки.
 Рыбьи пляски[108]
 Имея в области своей
 Не только что леса, но даже воды,
 Лев собрал на совет зверей:
 Кого б над рыбами поставить в воеводы?
 Как водится, пошли на голоса,
 И выбрана была Лиса.
 Вот Лисынька на воеводство села.
 Лиса приметно потолстела.
 У ней был мужичок, приятель, сват и кум;
 Они вдвоем взялись за ум:
 Меж тем как с бережку Лисица рядит, судит,
 Кум рыбку удит
 И делит с кумушкой ее, как верный друг.
 Но плутни не всегда удачно сходят с рук.
 Лев как-то взял по слухам подозренье,
 Что у него в судах скривились весы,
 И, улуча свободные часы,
 Пустился сам свое осматривать владенье.

Он идет берегом; а добрый куманек,
Наудя рыб, расклат у речки огонек
И с кумушкой попировать сбирался;
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» – спросил сердито Лев.
«Великий государь! – отвечает плутовка
(У Лисыньки всегда в запасе есть уловка). –
Великий государь!
Он у меня здесь главный секретарь:
За бескорыстие уважен всем народом;
А это караси, все жители воды;
Мы все пришли сюды
Поздравить, добрый царь, тебя с твоим приходом».
«Ну, как здесь идет суд? Доволен ли ваш край?»
«Великий государь, здесь не житье им – рай;
лишь только б дни твои бесценные продлились».
(А рыбки между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, – Лев спросил, – скажи ты мне,
Хвостами так они и головами машут?»
«О, мудрый Лев! – лиса отвечает. – Оне
На радости, тебя увидя, пляшут».
Не могли боле тут Лев явной лжи стерпеть,
чтоб не без музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
В своих когтях заставил петь.
Рыбья пляска[109]
От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклатви огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкой свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» – спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! – сказал Мужик, оторопев. –
я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
«Великий государь! Здесь не житье им – рай!
Богам о том мы только и молились,
чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, – Лев спросил, – скажи ты мне,
они хвостами так и головами машут?»
«О, мудрый царь! – Мужик ответствовал. – Оне
От сильной радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.
Прихожанин[110]
Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель,
Зато уже другой
Как хочешь сладко пой,
Не только чтоб от них похвал себе дожидаться,
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем не много досажу,
Но вместо басни был на это им скажу.
Во храме проповедник
(Он в красноречии платона[111] был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.

В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возьмля к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный в сердечном умиленье,
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из Божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар! –
Из слушателей тут сказал один другому. –
Какая сладость, жар!
Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» – «Ну как не понимать!
Да плакать мне какая статья:
Ведь я не здешнего прихода».
Ворона[112]
Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.
Утыкавши себе павлиньим перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво –
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра
И что пришла ее пора
Быть украшением Юнонина двора[113].
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ошипана кругом
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ее затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.
Я эту басенку вам былью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатым приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.
Из «Книги восьмой»
Лев состарившийся[114]
Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.
А что всего больней,
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:
То гордый конь его копытом крепким бьет,
То зубом волк рванет,
То острым рогом вол боднет.

Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,
Лишь изъясняя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее.
«О боги! – возопил, стеная, Лев тогда. –
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла:
Все легче, чем терпеть обиды от осла».
Лев, серна и лиса
По дебрям гнался Лев за Серной;
Уже ее он настигал
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней, сытный, верный.
Спастись, казалось, ей нельзя никак:
Дорогу обоим пересекал овраг:
Но Серна легкая все силы натянула –
Подобно из лука стреле,
Над пропастью она махнула
И стала супротив на каменной скале.
Мой Лев остановился.
На эту пору друг его вблизи случился:
Друг этот был – Лиса.
«Как! – говорит она. – С твоим проворством, силой
Ужели ты уступишь Серне хилой?
Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, верно, перескочишь.
Доверь же совести и дружбе ты моей:
Не стала бы твоих отваживать я дней,
Когда б не знала
И крепости, и легкости твоей».
Тут кровь во Льве вскипела, заиграла;
Он бросился со всех четырех ног;
Однако ж пропасти перескочить не мог:
Стремглав слетел и – до смерти убился.
А что ж его сердечный друг?
Он потихохоньку в овраг спустился,
И, видя, что уж Льву ни лесты, ни услуг
Не надо боле,
Он, на просторе и на воле,
Справлять поминки другу стал,
И в месяц до костей он друга оглодал.
Крестьянин и лошадь
Крестьянин заседал овес;
То видя, Лошадь молодая
Так про себя ворчала, рассуждая:
«За делом столько он овса сюда принес!
Вот говорят, что люди нас умнее:
Что может быть безумней и смешнее,
Как поле целое изрыть,
Чтоб после рассорить
На нем овес свой по-пустому?
Стравил бы он его иль мне, или гнедому;
Хоть курам бы его он вздумал разбросать,
Все было б более похоже то на статью;
Хоть спрятал бы его: я видела б в том скупость;
А попусту бросать! Нет, это просто глупость».
Вот к осени меж тем овес тот убран был,
И наш Крестьянин им того ж Коня кормил.
Читатель! Верно, нет сомненья,
Что не одобришь ты конёва рассужденья;
Но с самой древности, в наш даже век,
Не так ли дерзко человек
О воле судит Провиденья,

В безумной слепоте своей
Не ведая его ни цели, ни путей?
Белка[115] («У Льва служила Белка...»)
У Льва служила Белка,
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан – между тем все время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит при царе зубки свои сквозь слез.
Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки знай себе щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит – нельзя никак:
На службу царскую то кличут, то толкают.
Вот Белка наконец уж стала и стара,
Царю наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху – чудо!
Одно лишь только худо –
Давно зубов у Белки нет.

Щука

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбিরались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! – Лиса тут приступила. –
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно –
Так утопить ее в реке». – «Прекрасно!» –
Кричат судьи. На том решили все согласно
И Щуку бросили – в реку!

Кукушка и орел[116]

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
Кукушка, в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;
Глядит – все прочь летят,
Одни смеются ей, а те ее бранят.
Моя Кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
«Помилуй! – говорит. – По твоему веленью
Я Соловьем в лесу здесь названá;
А моему смеяться смеют пенью!»
«Мой друг! – Орел в ответ. – Я царь, но я не Бог.

Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьем честить я мог заставить;
Но сделать Соловьем Кукушки я не мог».
Бритвы[117]
С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? – Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю – приятель стал не тот.
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой? мой милый!.. я надеюсь,
Не болен ты». – «Ох! ничего: я бреюсь».
«Как! только?» Тут я встал – гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать собирались кожу.
Узнавши наконец вину беды такой,
«Что дива? – я сказал. – Ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы – косари;
Не бриться – мучиться ты только с ними станешь».
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».
«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».
Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей боятся
И терпят при себе охотней дураков?
Сокол и червяк
В вершине дерева за ветку уцепясь,
Червяк на ней качался.
Над Червяком Сокол, по воздуху носясь,
Так с высоты шутил и издевался:
«Каких ты, бедненький, трудов не перенес!
Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?
Какая у тебя и воля, и свобода?
И с веткой гнешься ты, куда велит погода».
«Тебе шутить легко, –
Червяк отвечает, – летая высоко,
Затем, что крыльями и силен ты, и крепок;
Но мне судьба дала достоинства не те:
Я здесь, на высоте,
Тем только и держусь, что я, по счастью, цепок!»
Бедный богач[118]
«Ну, стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем, ведь все оставим.
Мы только лишь себя и мучим и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далёко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа».
Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа;
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез
Кто говорит – колдун, кто говорит – что бес;
Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.
Предстал – и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал для чего; служить я другу рад.

Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж и из него без счету вынимай,
Доколе будешь ты доволен,
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал – и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся.
И что ж? Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится! –
Бедняк мой говорит. –
Червонцев я себе повытаскаю груду,
Так завтра же богат я буду
И заживу как сибарит».
Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, – говорит, – теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провести хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек:
Уж так и быть, еще я поговеею
Один денёк,
А впрочем, ведь пожить всегда успею».
Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год –
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест и скудно пьет;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и по его расчету
Ему всегда чего-нибудь недостает.
Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется;
Придет к реке – воротится опять.
«Как можно, – говорит, – от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою само льется?»
И наконец Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает:
Он стал и слаб и хил; здоровье и покой –
Утратил всё; но всё дрожащею рукой –
Из кошелька червонцы вон таскает.
Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.
Булат[119]
Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи невелики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубить
Или обтесывать тычины к огороду.
Ну, так что не прошло и году,

Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом
И дети ездят уж на нем
Верхом.
Вот ёж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого не ложно говорят,
Не стыдно ли тебе щепать лучину
Или обтесывать тычину
И, наконец, игрушкой быть ребят?»
«В руках бы война врагам я был ужасен, –
Булат отвечает, – а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому;
Но разве я свободен?
Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».
Купец
«Поди-ка, брат Андрей!
Куда ты там запал? Поди сюда скорей
Да подивуйся дяде!
Торгуй по-моему, так будешь не внакладе, –
Так в лавке говорил племяннику Купец. –
Ты знаешь польского сукна конец,
Который у меня так долго залежался,
Затем, что он и стар, и подмочен, и гнил:
Ведь это я сукно за английское сбыв!
Вот, видишь, сей лишь час взял за него сотняжку:
Бог олушка послал».
«Всё это, дядя, так, – племянник отвечал, –
Да в олухи-то, я не знаю, кто попал:
Вглядись-ко: ты ведь взял фальшивую бумажку».
Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;
Но если кто на свет
Повыше лавок взглянет, –
Увидит, что и там на ту же стать идет;
Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше проведет
И кто кого хитрей обманет.
Пушки и паруса[120]
На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.
Вот Пушки, выставясь из портов вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновение?
Что делают они во весь наш трудный путь?
Лишь только ветер станет дуть,
Они, надув спесиво грудь,
Как будто важного какого сану,
Несутся гоголем по океану
И только чванятся; а мы – громим в боях!
Не нами ль царствует корабль наш на морях?
Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?
Нет, не хотим жить боле с Парусами:
Со всеми мы без них управимся и сами;
Лети же, помоги, могущий нам Борей,
И изорви в клочки их поскорей!»
Борей послушался – летит, дохнул, и вскоре
Насупилось и почернело море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
Не стало их, утихла непогода;
Но что же? Корабль без Парусов

Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим: стал скоро решетом
И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.
Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием – врагам она грозна,
А паруса – гражданские в ней власти.
Осел[121]

Был у крестьянина Осел
И так себя, казалось, смиренно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог –
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слышал)
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород, –
Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным все толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну, так что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.
И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок, и далек.

Мирон[122]
Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.
На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион –
А бедным никогда не даст копейки он.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам –
Они не заперты никак.
«Ахти! – подумают. – Бедняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, –
Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых
И трудно до него добиться,
А то он рад последним поделиться».
Видать случалось часто мне,
Как доступ нелегóк в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты –

Мироны ж сами в стороне.
Крестьянин и лисица
Лиса Крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кум милый мой,
Чем лошадь от тебя так дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда с тобой?
В довольстве держишь ты ее и в холе;
В дорогу ль – с нею ты, и часто с нею в поле;
А ведь из всех зверей
Едва ль она не всех глупей».
«Эх, кумушка, не в разуме тут сила! –
Крестьянин отвечал. – Все это суета.
Цель у меня совсем не та:
Мне нужно, чтоб она меня возила
Да чтобы слушалась кнута».
Филин и осел[123]
Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь было пустился).
Но к ночи в чашу так забрел мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед;
И зрячему бы тут не выйти из хлопот,
Но Филин в близости, по счастью, случился
И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки –
Всё это различал мой Филин будто днем
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.
Мой Филин господином
Уселся на хребте ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однако ж Филин мой упрям,
Ослу советует и вкось и впрямь:
«Остерегись! – кричит. – Направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»
И – бух Осел, и с Филином, в овраг.
Волк и кот[124]
Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота –
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов?
Все это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана».
«Ну, попытайся ж у Демьяна».
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка».
«Беги ж, вон там живет Трофим».
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягненка!»
«Ну, плохо ж! Но, авось, тебя укроет клим!»
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!»
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку. –

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

Лещи

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде,
Лещи водились.
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось им, катились.
Как вдруг
К ним барин напустить велел с полсотни щук.
«Помилуй! – говорит его, то слыша, друг. –
Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждешь от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?»
«Не трать своих речей, –
Боярин отвечал с улыбкою, – все знаю;
Да только ведать я желаю,
С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

Лев

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела.
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика
Постель моя уж чересчур жестка:
Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособратить,
Чтоб не на голых камнях спать».
«Светлейший Лев! – отвечают вельможи. –
Кто станет для тебя жалеть своей
Не только шерсти – кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платят дани;
Набрать с них шерсти поскорей:
От этого их не убудет.
Напротив, им же легче будет».
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И дочиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были –
Не поступились своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,
Из той же дани поживился –
И на зиму себе запасся тюфяком.

Три мужика

Три Мужика зашли в деревню ночевать.
Здесь, в Питере, они извозом промышляли;
Поработали, погуляли
И путь теперь домой на родину держали,
А так как Мужичок не любит тощий спать,
То ужинать себе спросили гости наши;
В деревне что за разносол:
Поставили пустых им чашку щей на стол,
Да хлеба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы в Питере, – да не о том уж речь;
Все лучше, чем голодным лечь.
Вот Мужички перекрестились
И к чаше приютились.
Как тут один, посмётливей из них,
Увидя, что всего немного для троих,

Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взята нельзя, там надо полукавить).
«Ребята, – говорит, – вы знаете фому,
ведь в нынешний набор забреют лоб ему».
«Какой набор?» – «Да так. Есть слух – война с Китаем:
Наш Батюшка велел взять дань с Китайцев чаем».
Тут двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамоте, к несчастью, знали:
Газеты и подчас реляции читали),
как быть войне, кому повелевать.
Пустились мои ребята в разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А наш того лукавец и хотел:
Пока они судили, да рядили,
да войска разводили,
Он ни гугу – и щи и кашу, всё приел.
Иному до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего,
что будет с Индией, когда и отчего,
Так ясно для него;
А поглядишь – у самого
Деревня между глаз сгорела.
Из «Книги девятой»
Пастух[125]
У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
что страшный показался волк,
что начал он овец таскать из стада
и беспощадно их дерет.
«И не диковина, – твердит народ, –
Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
то щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поваренков, за грехи,
в деревню он был сослан в пастухи:
Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянет его весь свет;
Обшарили весь лес – а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то – Савва.
Белка («в деревне, в праздник, под окном...»)
В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился:
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
и раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, – спросил тут Дрозд, – нельзя ли
сказать, что делаешь ты здесь?»
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
ни даже духу перевести».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, – улетаю, Дрозд сказал, – то ясно мне,
что ты бежишь – а всё на том же ты окне».
Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все;
Он, кажется, из кожи рвется,
да только все вперед не подается,
Как Белка в колесе.
Мыши
«Сестрица! знаешь ли, беда! –

На корабле Мышь Мыши говорила. –
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть нехватила
До самого мне рыла.
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
И что диковинки – наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все – один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
Сейчас кричала я во весь народ,
Что кó дну наш корабль идет;
Куда! – Никто и ухом не ведет,
Как будто б ложные я распускала вести;
А ясно – только в трюм лишь стоит заглянуть,
Что кораблю часá не дотянуть.
Сестрица! неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
Авось недалеко земля!»
Тут в Океан мои затейницы прыгнули
И – утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.
Теперь пойдут вопросы:
А что же капитан, и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
В минуту унята;
А остальное – клевета.
Лиса
Зимой, ранёхонько, близ жила,
Лиса у проруби пила в большой мороз,
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но – кончик хвостика Лисица замочила,
И кó льду он примерз.
Беда не велика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать – ведь спит еще народ;
А между тем авось и оттепель придет,
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит – и день светает,
Народ шевелится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться,
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец! –
Кричит Лиса. – Спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился –
И в спáсенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост:
Он начисто отгрыз ей хвост.
Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.
Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
Щепотки волосков Лиса не пожалей –
Остался б хвост у ней.
Волки и овцы
Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спáсенье Овец, –
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.

Видали и таких Волков, и многократ, –
Примеры эти не забыты, –
Которые ходили близко стада
Смирнехонько – когда бывали сыты.
Так почему ж волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он овцу станет,
То Волка тут властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор, –
Хоть говорят, Волкам и не спускают, –
Что будь овца ответчик иль истец,
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.
Два мальчика
«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!»
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Хоть, кажется, они и недалёко,
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!»
«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я все придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся –
И досыта каштанов наедимся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног.
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался
И Феде наконец вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съест, –
Не перечесть!
Найдется чем и поживиться,
И с другом поделиться.
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.
Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали!
Лев и мышь [126]
У Льва просила Мышь смиренно позволения
Поблизости его в дупле завести селенье
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен
И рев один его на всех наводит страх;
Но будущее кто угадывать возьмется?
Как знать? кому в ком нужда доведется?
И как я ни мала кажусь,
А может быть, подчас тебе и пригожусь».
«Ты! – вскрикнул Лев. – Ты, жалкое создание!

За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказанье,
Прочь, прочь отсель, пока жива –
Иль твоего не будет праху».
Тут Мышка бедная, не вспомняся от страху,
Со всех пустилась ног – простыл ее и след.
Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:
Отправяся искать добычи на обед,
Попался он в тенета.
Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался
И в клетке на показ народу увезен.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от ее зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.
Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя –
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды напиться.
Кукушка и петух[127]
«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!»
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова».
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни – что твой соловей!»
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –
Всё ваша музыка плоха!..»
За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.
Вельможа[128]
Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон[129].
Сказать простее, – умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
«Что ж делал ты?» – «Пил, ел и спал
Да все подписывал, что он ни подавал».
«Скорей же в рай его!» – «Как! где же справедливость?» –
Меркурий[130] тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! – отвечал Эак[131]. –
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, –
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слёз не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:

Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

Примечания

1

В настоящее издание входят избранные басни И. А. Крылова. Они располагаются по книгам в соответствии с авторской волей Крылова, выраженной в издании «Басни. В 9-ти книгах», Пб., 1843. Тексты басен печатаются по изданию: Крылов И. А. Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР («Литературные памятники»), 1956. Орфография и пунктуация там, где это возможно, приближены к современным.

2

В басне обработан старинный сюжет, восходящий к Эзопу и Федру. Непосредственным литературным источником послужила басня Лафонтена. Басня связана и с русской сатирической традицией (сатира XVII века «Сказание о Куре и Лисице», басни В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова).

3

Одна из первых басен Крылова. Сюжет басни восходит к Лафонтену («Дуб и Тростник»), а от него – к Эзопу («Тростник и Слива»). Басня была передана И. И. Дмитриевым в журнал «Московский зритель», где и была напечатана. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский [Шаховской] усмотрел в басне этическое предупреждение всякому временному и внешнему человеческому величию (Архиепископ Иоанн [Шаховской]. Сокровенный Крылов // К истории русской интеллигенции. Нью-Йорк, 1975. С. 236). С. Н. Глинка передал следующий свой разговор с Крыловым: «„Знаете ли вы, что Лафонтен, и Дмитриев, и вы упустили самую разительную или, как нынче говорят, гениальную черту в басне Эзопа „Дуб и Трость“? – «Как это?» – спросил Иван Андреевич. «А вот как, – отвечал я. – В падении Дуба Эзоп представил падение гордыни, спеси, презорства; в торжестве Тросточки торжество красоты, скромности, смирения. Лафонтен почти пиитической трубою передал эту басню. У него Дуб простонал. Прекрасно рассказана эта басня и у Дмитриева, и у вас. Но Дуб только пал. Спесь, падая тихомолком, в удалении от зрителей, кое-как утешится. Но что Дуб пал к ногам смиренной Тросточки – вот что больно спеси и гордыне». Крылов привстал, подал мне трубку и сел. Я закурил и продолжал: «Лафонтен правду сказал, что Эзоповы басни – драма в ста действиях. Он вывел в них всю природу от кедра до иссопа. И в них каждый в чем-нибудь себя узнает и что-нибудь найдет для себя. Я говорю это о сущности вымыслов; но в поэзии и Лафонтен, и Дмитриев, и вы победители. У вас, Иван Андреевич, в баснях своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Заметили, и я повторяю, что вы всем действителям ваших басен передали во всем самобытность русскую. <...> Жизнь ваших басен – в русском слове и в вашей поэзии».

4

Зефир – бог западного ветра (гр. миф.); здесь – западный теплый и ласковый ветер.

5

Эол – мифический родоначальник греческого племени Эолян; здесь – повелитель ветров, властитель острова Эолин, на котором нашел приют Одиссей во время своих странствий (гр. миф.); иносказательно – ветер.

6

Область теней. – Имеется в виду подземный мир, царство мертвых.

7

А я скажу: по мне, уж лучше пей... – обработка пословицы: «По мне, хоть пей, да дело разумеи». Особое значение придавал этой басне Гоголь, находя в ней выражение здравого народного взгляда на практическую деятельность. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он писал: «Особенно слышно, как он держит сторону ума, как просит не пренебрегать умного человека, но уметь с ним обращаться. Это отозвалось в басне „Музыканты“, которую он закончил словами: „По мне, уж лучше пей, да дело разумеи“. Не потому он это сказал, что хотел похвалить пьянство, но потому, что заболела его душа при виде, как некоторые,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru

набравши к себе на место мастеров дела, людей бог весть каких, еще и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они не смыслят, зато отличнейшего поведения. Он знал, что с умным человеком все можно сделать и не трудно его обратить к хорошему поведению, если сумеешь умно поговорить с ним; но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним».

8

Басня непосредственно связана с заметкой, появившейся в 1812 г. в журнале «Сын Отечества»: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux* (супом из ворон. – В. К.). Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: „Попал, как кур во щи“, а лучше говорить: „Попал, как ворона во французский суп“. К тому же номеру журнала была приложена карикатура И. И. Теребенева „Французский вороний суп“».

9

Смоленский князь – М. И. Голенищев-Кутузов, которому титул князя Смоленского был присвоен после победоносного сражения под поселком Красным Смоленской губернии (5–6 ноября 1812 г.).

10

Вандалы – группа германских племен; в 455 г. они разграбили Рим и уничтожили многие памятники античной культуры; вандализм – обозначение непросвещенной, невежественной и агрессивной дикости.

11

Как голодом морить Смоленский стал гостей... – Кутузов считал голод одним из решительных средств борьбы с Наполеоном. Михайловский-Данилевский привел следующий разговор Кутузова с полковником Шнейдером после совета в Филях. На вопрос полковника: «Где мы остановимся?» – фельдмаршал ответил: «Это мое дело, но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, что они будут есть лошадиное мясо». По мнению историка Отечественной войны 1812 г. Богдановича, к этой же цели Кутузов направлял действия партизанских отрядов.

12

Так часто человек в расчетах слеп и глуп. – Речь идет о Наполеоне.

13

Одна из первых оригинальных басен Крылова.

14

Обработка басни Лафонтена «Лягушка, захотевшая сделать себя такой же большой, как бык», сюжет которой восходит к Федру и Горацию. В «Русских народных пословицах и притчах» зафиксирована поговорка: «Не бывать бычком лягушке, больше в деньге есть цены, нежели в полушке».

15

По предположению комментатора басен Крылова В. Ф. Кеневича, эта басня связана с удалением от дел молодых сподвижников и товарищей юности императора Александра I. Крылов полагал, что никакие личные качества не искупали отсутствие плана в действиях реформаторов, необходимой подготовки и досконального знакомства с делом.

16

Парнас – горный массив в Греции; местопребывание Аполлона и муз (гр. миф.).

17

Девять сестер – девять богинь – покровительниц поэзии, искусств и наук: Клио,

Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урапия, Калиопа (гр. миф.).

18

Капище – языческий храм.

19

Деревянный бог – идол, изображение языческого бога.

20

Конкретным поводом для создания басни послужили, вероятно, известия о предстоящем свидании Александра I с Наполеоном в Эрфурте (сентябрь – октябрь 1808 г.). Русское общество осуждало Александра I за сношения с Наполеоном, император же считал необходимым сохранить мир с Францией. Наполеон, в свою очередь, пытался обольстить Александра I.

21

Обработка басни Лафонтена под тем же названием. Сюжет восходит к басням Эзопа и Федра, а также к апологу Гесиода о копчике и соловье. До Крылова тот же сюжет обработали Тредиаковский, Сумароков, Державин.

22

Конкретным поводом к написанию басни послужила страсть к французским модам, а главное – подражание французской военной форме, которое после унижительного Тильзитского мира было странным и неуместным, так как Наполеон считался врагом России. Ф. Ф. Вигель свидетельствовал: «Уже с сентября месяца (1807 г. – В. К.) начали всю гвардию переодевать по-французски; в следующем году это сделано и со всюю армиею... Они [военные] были недовольны: в новых мундирах они видели французскую ливрею и, с насмешливою досадою поглядывая на новое украшение свое, на эполеты, говорили, что Наполеон у всех русских офицеров сидит на плечах».

23

В основу басни положена пословица, известная в двух вариантах: «Синица за море летела и море зажигать хотела; синица много шумела, да не было из шума дела»; «Ходила синица море зажигать: море не зажгла, а славы много наделала». Второй вариант помещен в журнале Н. И. Новикова «Кошелек».

24

Нептунова столица – море; Нептун – бог моря (рим. миф.).

25

Тороватый – великодушный, щедрый.

26

Юпитер – верховный бог (рим. миф., в гр. миф. – Зевс, Зевес).

27

Тучегонитель – Юпитер, считавшийся повелителем туч, ветра, грома и молнии.

28

Геркулес – величайший герой древности, совершивший двенадцать подвигов (рим. миф., в гр. миф. – Геракл). Здесь: иронически.

29

Об очках как важной детали туалета модников, щеголей писали многие литераторы XVIII в., в частности Н. Н. Страхов.

30

Переработка басни Лафонтена того же названия, сюжет которой восходит к басне Эзопа. Тот же сюжет есть и у Федра. В басне подвергнуты критике идеи «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо.

31

Возможно, поводом для создания басни послужило следующее обстоятельство: в 1815 г. Людовик XVIII намеревался в качестве министра иностранных дел и своего представителя в Священном союзе утвердить бывшего наполеоновского министра Шарля Мориса Талейрана. Однако Александр I решительно воспротивился, и Людовик XVIII принужден был назначить на эти посты герцога Армана Эмманюэля де Ришельё, приняв его из русской во французскую службу.

32

Сюжет басни заимствован у Лафонтена и восходит к латинским проповедям французского проповедника Роллена (1443–1514).

33

В басне содержится намек на раздоры между членами Священного союза, вспыхнувшие на Венском конгрессе 1815 г. Бывшие союзники настолько поссорились, что готовы были защищать свои интересы силой оружия. Австрия, вступив в сговор с Англией и Францией, выступила против России и Пруссии.

34

Орест и Пилад. – Ореста, героя аргосских сказаний (гр. миф.), связывала неразлучная дружба с царевичем Пиладом; их имена стали нарицательными для обозначения верной дружбы.

35

Лъзя – можно (устар.).

36

Басня написана между 23 сентября (день приезда Лористона, посланца Наполеона, с предложением о мире в Тарутинский лагерь) и 6 октября 1812 г. (Тарутинское сражение). Литературный источник установлен литературоведом С. А. Фомичевым: это перевод рассказа «Охотник и Волк» философа Синтипы, опубликованный в конце XVIII в. (переводчик Глеб Громов). Крылов собственной рукой переписал басню и отдал ее княгине Екатерине Ильиничне, жене Кутузова, которая отправила ее в своем письме мужу. Кутузов читал басню после сражения под Красным. Подчеркивая ум, мудрость Кутузова, Крылов опирался на общее мнение и рассказы современников. Кроме того, до баснописца доходили и собственные слова Кутузова о его способностях. Так, перед отъездом в армию один из родственников полководца спросил его: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» Кутузов ответил: «Нет! А обмануть надеюсь». Почти теми же словами он выразился в Тарутинском лагере: «Разбить меня может Наполеон, а обмануть – никогда».

37

Речь в басне идет о мистических воззрениях, широко распространившихся после войны 1812 г. По мнению архиепископа Сан-Францисского Иоанна, Крылов заботился о нравственном охранении и духовном преображении человека.

38

Биограф и сослуживец Крылова М. Б. Лобанов писал: «Иван Андреевич по какой-то особенной причине преимущественно любил свою басню „Ручей“. Правда, изобретение ее обличает глубокого мудреца, а исполнение, плавность стиха, чистота языка – великого художника, и кажется, она создана более сердцем, нежели умом. Наблюдая человека и заглядывая в историю, автор видел, как трудно людям, при возрастающем их могуществе, удержаться в прежних своих границах любви и умеренности; что они,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
большею частью по какому-то неизъяснимому действию их страстей, не могут устоять ни в прежних своих правилах, ни в прежних своих добродетельных наклонностях. Наш автор излагает и оплакивает эту печальную истину...»

39

Переработка басни Лафонтена, восходящей к басне Эзопа «Кузнечик и Муравей». Жуковский считал басню одной из лучших у Крылова.

40

Басня создана на тему басни А. П. Сумарокова «Хвастун» (ср. басню того же автора «Господин-лжец»). Источником для Сумарокова послужил французский перевод («Крестьянин и его сын») Эмбера басни немецкого баснописца Геллерта того же названия. Поводом к написанию басни послужил рассказ, бытующий в воспоминаниях о Крылове, но наиболее точно воспроизведенный М. Е. Лобановым: «В Английском клубе, в этом разнообразном и многолюдном обществе, он любил наблюдать людей и иногда не мог удержаться от сатирических своих замечаний и ответов. Однажды приезжий помещик, любивший прилгать, рассказывал о стерлядях, которые ловятся на Волге, неосторожно увеличивая их длину. „Раз, – сказал он, – перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда... до...“ Помещик, не договорив своей фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, противоположному концу, где сидел Иван Андреевич. Тогда Иван Андреевич, хватаясь за стул, сказал: „Позвольте, я отодвинусь, чтоб пропустить вашу стерлядь!“»

Выражение «римский огурец» вошло в народную поговорку и приведено В. И. Далем: «Хорошо сказывать сказку про римский огурец».

41

По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, в басне высмеивались действия адмирала П. В. Чичагова, руководившего сухопутной армией и не сумевшего преградить путь Наполеону при его переправе через реку Березину 14/26 ноября 1812 г.

42

И крысы хвост у ней отъели. – В этом стихе, утверждал комментатор басен Крылова В. Кеневич, заключен намек на «неудачное отступление войск Чичагова от Борисова, на правую сторону Березины; при этом были потеряны многие из полковых обозов, канцелярия главнокомандующего, большая часть экипажей, и в том числе фургон со столовым сервизом Чичагова, и все наши раненые и больные, из коих некоторые погибли от пожара, опустошившего город».

43

Ценят – здесь: бранят, ругают.

44

Переработка басни Лафонтена «Петух и Жемчужина», восходящей к басне Федра «Цыпленок к Жемчужине». В русской литературе басню переводили В. К. Третьяковский («Петух и Жемчужина»), А. П. Сумароков («Петух и Жемчужное зерно»), Д. И. Хвостов («Петух и Жемчужное зерно») и А. П. Бенитцкий («Петух и Алмаз»).

45

Басня касается стратегии и тактики Кутузова в Отечественной войне 1812 г. Полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I и военной молодежи из-за уклонений от решительных сражений под стенами Москвы и после сдачи ее Наполеону. Крылов оправдывал неспешные, но продуманные действия Кутузова, должные, как понимал баснописец, привести к полному краху Наполеона, и порицал повеления Александра I, торопившего Кутузова и толкавшего его к промахам и ошибкам. Не менее досадны были для Кутузова ропот и горькие нарекания его молодых сподвижников. Вероятно, Крылов не знал о словах, сказанных старым фельдмаршалом принцу Вюртембергскому: «Наши молодые горячие головы негодуют на

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели сколько могло бы сделать наше оружие». Тем значительнее историческое, политическое и военное чутье Крылова, чья басня защищала Кутузова и его план от наскоков неопытных молодых людей. Их патриотические чувства были объяснимы, но не становились от этого более истинными.

Тем самым под образом «коня доброго» Крылов имел в виду Кутузова с его осторожностью и выдержкой при отражении наполеоновского нашествия.

46

А примешься за дело сам, Так напраказишь вдвое хуже. – Прозрачный намек на Александра I, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение.

47

Переработка басни Лафонтена «Ворон, желающий подражать Орлу», сюжет которой восходит к басне Эзопа «Соя и Пастух». По поводу этой басни М. Т. Каченовский в своем желчном и несправедливом разборе «Новых басен» Крылова писал, что орел неправильно представлен вором, «потому что в области баснословия орел имеет не такой характер».

48

Что сходит с рук вора, за то воришек бьют. – Афоризм вошел во все сборники пословиц.

49

Басня вызвала нарекания со стороны баснописца А. Е. Измайлова и журналиста М. Т. Каченовского, педантически вопрошавшего: «На что волкам тулупы и разве надобны им овечьи кожи?»

50

Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять... – В измененном виде («Дай хоть по шкурке с брата снять», «И всего-то придется по шкурке с брата») стало пословицей и приведено В. И. Далем в его сборнике.

51

В. Ф. Кеневич в своих «Библиографических и исторических примечаниях к басням Крылова» (СПб., 1868) писал, что поводом к созданию басни послужил случай из жизни Крылова: «Какой-то вельможа (по словам одних, гр. Разумовский, по другим, кн. А. Н. Голицын), может быть, следуя примеру имп. Марии Федоровны, покровительствовавшей поэту, а может быть, искренно желая свести с ним знакомство, пригласил его к себе и просил прочитать две-три басни-басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал его благосклонно и глубокомысленно сказал: „Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?“ – „Не умею“, – скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое баснописец вылил свою желчь в басне „Осел и Соловей“». После публикации басни Крылова стали называть «Соловьем». Это прозвание вошло в литературу.

52

Тут Соловей являть свое искусство стал... – Описание пения соловья и произведенное им впечатление вызвали единодушное одобрение современников и последующих критиков.

53

Аврора – богиня утренней зари (рим. миф.); утренняя заря.

54

Переработка басни Лафонтена «Саложник и Финансист», сюжет которой заимствован из

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
рассказа французского писателя XVI в. Бонавентура де Перье «В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут». Ср. пословицу: «Кто кому надобен, тот тому и памятен».

55

Последний стих басни сопоставлялся с пословицами: «Каков поп, таков и приход», «Каков батька, таковы у него и детки».

56

Последние два стиха стали пословицей.

57

Литературный источник басни – притча А. П. Сумарокова «Пахарь и Обезьяна».

58

Исполать – хвала, слава! (устар. восклицание)

59

В басне отражены события, происшедшие за несколько месяцев до нападения Наполеона на Россию. Попирая заключенные договоры, французский император захватил герцогство Вюртембергское, увеличил численность своих войск в Пруссии и Польше, вступил в невыгодные для России сделки с Австрией и Пруссией. Русское правительство посылало многочисленные протесты, которые не оказывали на Наполеона никакого воздействия. Соль басни – в бессмысленных и пустых нравоучениях, обращенных Поваром-ритором, под которым подразумевался Александр I, к зарвавшемуся Коту (Наполеон). Дополнительную ироническую окраску придает басне характеристика Повара – красноречивого, жеманного и щеголяющего благородством. Другое толкование басни принадлежит литературоведу М. Альтшуллеру (статья «Крылов и вольтерьянство»), который увидел в басне критику идеи просвещенной монархии и руссоистской идеи «общественного договора» («равноправность и взаимные обязательства власти и народа»). По его мнению, в басне выражена мысль: «Правитель должен сам решать, что и когда он должен делать, чтобы добиться порядка».

60

Тризна правил – справлял поминки по умершему.

61

Переработка басни Лафонтена «Лев и Мошка», восходящей к басне Эзопа «Лев и Комар».

62

Из Ахиллеса вдруг становится Омиром... – то есть из героя вдруг превращается в поэта, воспевающего героические деяния. Ахиллес (Ахилл) – герой Троянской войны (гр. миф.). Омир – новогреческое имя Гомера, легендарного певца, автора эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

63

Басня встретила разноречивые оценки. Например, поэт П. А. Вяземский считал, что Крылов выступил против просвещения. Однако из текста басни этого не следует: Крылов отвергает «книжную мудрость», «головные» знания, которые не учитывают практический опыт.

64

Слова «воровать не перестанет» вошли в новую народную пословицу, отмеченную В. И. Далем: «Дай вору хоть золотую гору – воровать не перестанет, а честного хоть засыпь золотом – не украдет».

65

Сюжет басни заимствован у французского поэта Флориана. В басне иронически изображается воспитание Александра I, доверенное швейцарцу Лагарпу. Ф. Ф. Вигель писал о воспитании Александра I: «Его воспитание было одною из великих ошибок Екатерины. Образование его ума поручила она женецу Лагарпу, который, оставляя Россию, столь же мало знал ее, как и в день своего приезда, и который карманную республику свою поставил образцом правления будущему самодержавцу величайшей империи в мире». Смысл басни, выраженный в заключительных стихах, состоял в глубокой озабоченности относительно антинародной политики накануне предчувствуемых баснописцем грозных испытаний.

66

Кесарь – император.

67

Платон (428 или 427–348 или 347 до н. э.) – древнегреческий философ.

68

То я тотчас начну учить зверей Вить гнезды. – Эти стихи Ф. Ф. Вигель отнес к другу Александра I графу В. П. Кочубею: «Перед соотечественниками было чем ему блеснуть: он лучше других знал состав парламента (английского), права его членов, прочитал всех английских публицистов и, как львенок Крыловой басни, учить собирался вить гнезда».

69

Да наши предки Рим спасли! – По преданию, жители Рима были предупреждены о приближении неприятеля криком гусей.

70

При жизни Крылова басня была воспринята как непозволительный образец «низкого» предмета и «низкого» стиля. Простой и грубый быт допускался в литературу в форме литературной игры (травести, бурлеск), Крылов же ввел его прямо, и это вызвало резкую критику как классицистов, так и карамзинистов.

71

Переработка басни Лафонтена «Рыдван и Муха», сюжет которой в измененном виде встречается у Эзопа («Комар и Вол») и Федра («Муха и Ослица»).

72

По свидетельству барона М. А. Корфа, поводом для создания басни было преобразование Государственного совета, департаменты которого возглавили граф П. В. Завадовский, князь П. В. Лопухин, граф А. А. Аракчеев и граф Н. С. Мордвинов. «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить, и даже несколькими последовательным пересадкам мы обязаны остроумною баснею Крылова „Квартет“».

Считается, что Крылов разумел под Мартышкой – Мордвинова, под Ослом – Завадовского, под Козлом – Лопухина, под Медведем – Аракчеева.

73

Точный повод, вызвавший появление басни, не установлен. Более предпочтительна версия о разногласиях в Государственном совете.

74

Знакомый Крылова поэт и критик П. А. Плетнев отмечал, что басня утверждает «законные отношения между сословиями».

75

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov1.ru

Н. В. Гоголь находил, что Крылов «и умному делает... крепкие заметки, сильно попрекнувши его в басне „пруд и река“ за то, что дал задремать своим способностям...»

76

В басне заключен намек на помещиков, которые закладывали имения в Опекунский совет, а затем, не в силах уплатить проценты, перезакладывали и, наконец, лишались имений.

77

Переработка басни Лафонтена «Медведь и любитель садов».

78

Поводом к сочинению басни послужил следующий случай: «Кто-то из приезжих в Петербург, посетив Кунсткамеру, за обедом у Авр. Серг. Норова с восторгом говорил об ее богатых коллекциях, останавливаясь на самых мельчайших приметах. На вопрос же, видел ли он слона, отвечал: „Виноват, слона я не заметил“».

79

Одна из самых социально острых басен Крылова, в которой под «реками и ручейками» подразумевались помещики и местные власти, а под Рекой – центральная власть.

80

П. А. Плетнев по поводу этой басни писал: «В „Мирской сходке“ объяснено начало несообразности многих общественных постановлений... Для общества он (Крылов. – В. К.) проповедник строгого порядка, правосудия, законной власти. Злоупотребления, пороки, глупости нашли в нем неумолимого обвинителя».

81

Согласно одной версии, басня направлена против Д. И. Хвостова, который утомительно долго потчевал знакомых своими баснями. По другой версии, в басне имелась в виду «Беседа любителей русского слова» с ее длинными и скучными заседаниями. М. В. Лобанов вспоминал о первом публичном чтении басни: «Иван Андреевич, зная всю силу своего литературного оружия, то есть сатиры, выбирал иногда случаи, чтобы не промахнуться и метко попасть в цель; вот доказательство. В „Беседе любителей русского слова“, бывшей в доме Державина, приготавливаясь к публичному чтению, просили его прочитать одну из его новых басен, которые тогда были лакомым блюдом всякого литературного пира и угощения. Он обещал; но на предварительное чтение не явился, а приехал в „Беседу“ во время самого чтения, и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пиесу; он сел за стол. Председатель отделения А. С. Хвостов, сидевший против него за столом, вполголоса спрашивает у него: „Иван Андреевич, что, привезли?“ – „Привез“. – „Пожалуйста мне“. – „Вот уж, после“. Длилось чтение, публика утомилась, начинали скучать, зевота овладела многими. Наконец дочитана пиеса. Тогда Иван Андреевич руку в карман, вытащил измятый листочек и начал: „Демьянова уха“. Содержание басни удивительным образом соответствовало обстоятельствам, и приноровление было так ловко, так кстати, что публика громким хохотом от всей души наградила автора за басню, которую он отплатил за скуку ее и развеселил ее прелестью своего рассказа».

82

Литературный источник – басня Федра «Зяц и Воробей».

83

Переделка басни Лафонтена «Смерть и Дровосек», восходящей к басне Эзопа «Старик и Смерть». Заключительные два стиха: «Что как бывает жить ни тошно, а умирать еще тошней» – стали народной пословицей.

84

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru

Повод для написания басни – пожалование аренды псковскому губернатору во время всеобщего голода в губернии. Зимой 1811–1812 гг. голод возник среди местного крестьянства, но псковский губернатор П. И. Шаховской скрыл истинное положение дел. В августе 1812 г. он был произведен в чин тайного советника.

85

Народная нравственность («Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь») здесь совпадает с религиозной (архиепископ Иоанн Шаховской писал, что «Клеветник в аду получает почет больший, чем Змея»).

86

Вельзевул – глава демонов (Библия, Новый Завет).

87

Крылов иронизировал над возможностью каких-либо равноправных договоров между сословиями в духе «Общественного договора» Руссо.

88

Переработка одноименной басни Эзопа.

89

Гоголь, восторгаясь живописностью и меткостью языка и стиха Крылова, писал: «Его речь покорна и послушна мысли и летает, как муха, то являясь вдруг в длинном, шестистопном стихе, то в быстром, одностопном; рассчитанным числом слогов выдает она ощутительно самую невыразимую ее духовность. Стоит вспомнить величественное заключение басни „Две Бочки“:

Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

Тут от самого размещения слов как бы слышится величие ушедшего в себя человека».

90

Перевод басни Эзопа «Мальчик, ловящий кузнечиков».

91

Басня связана с пословицами: «Хвала молодцу – пагуба», «Хвала – первая порча».

92

Басня, возможно, связана со следующим обстоятельством. По повелению Александра I директору библиотеки А. Н. Оленину было предписано ускорить составление каталогов в библиотеке. Александр I был недоволен медленным ходом дела. Вскоре последовал приказ министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына о принятии мер к «поспешнейшему производству сего дела». По-видимому, этот приказ и послужил ближайшим поводом к созданию басни.

93

Переработка басен Лафонтена («Лисица и виноград») и Федра («Лисица и виноградная кисть»). Басня связана с пословицей: «Глаз видит, да зуб неймет».

94

Во второй части басни использована басня Эзопа «Медведь и Лисица». Басня имеет сходство с басней «Волк на псарне» и пословицей: «Присмирел, что волк под рогатиной».

95

Басня направлена против верхушки русской бюрократии. Замысел ее, возможно,

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
связан с преобразованием Государственного совета.

96

«Молчи! все знаю я сама; да эта крыса мне кума». – Возражая Вяземскому на его критику Крылова, Пушкин процитировал эти слова.

97

Переработка басни Эзопа «Пешеходы и Явор». На сходную тему написана басня Лессинга «Дуб и Свинья». Направлена против М. Т. Каченовского.

98

По теме сходна с баснями Гольберга («Пчела и Паук») и Геллерта («Паук»).

99

Переработка басен Эзопа («Старый Лев») и Федра («Старый Лев, Вепрь, Вол и Осел»).

100

При жизни Крылова не была напечатана, но предполагалось, что она войдет в седьмую книгу.

Поводом для создания басни послужило увольнение профессоров Петербургского университета в конце 1821 г.

101

Переработка басни Лафонтена «Горшок глиняный и Горшок железный», восходящей к басне Эзопа «Горшки». Мысль басни близка пословице: «Горшок чугуну не товарищ».

102

Переработка басни Эзопа «Пастух и Козы».

103

В заметках В. А. Олениной на томе басен Крылова есть запись, относящаяся к этой басне: «Для батюшки Алек[сея] Николаевича Оленина». Под Соловьем в басне изображен ее автор, под птицеловом – А. Н. Оленин, который воздействовал на Крылова в сторону умеренности.

104

Басня направлена против М. Т. Каченовского, в журнале которого «Вестник Европы» появилась (анонимно) статья Н. С. Арцыбашева «О свойствах царя Иоанна Васильевича», критикующая «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

105

Содержание басни сопоставлено с пословицами: «Что скупому в руки попало, то и пропало», «В могилу глядит, а над копейкой дрожит».

106

Ту же тему разрабатывали Флориан («Два Кота») и Геллерт («Две Собаки»).

107

Басня близка стихотворению Державина «На птичку». Ее написание вызвано цензурным запрещением басен «Рыбья пляска» и «Пестрые Овцы».

108

Печатаются две редакции (ранняя – «Рыбья пляска», с. 160). Первоначальный

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
замысел близок басне И. И. Хемницера «Путешествие Льва». Поводом к созданию басни послужило путешествие Александра I по России. Сохранилось предание, из которого следовало, что император остановился в каком-то городе в губернаторском доме. Готовясь к отъезду, он увидел из окна, что на площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша с отъездом, отклонил прием этих лиц. После выяснилось, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду.

109
Первоначальная, запрещенная цензурой редакция.

110
Литературные источники басни – эпиграммы французских авторов Баратона («Плакальщики») и Экушара Лебрена («Проповедь»), а также анекдот в издании «Отрада в скуке, или книга веселия и размышления» (сб. «Спутник и собеседник веселых молодых людей»): «Один проповедник говорил в деревне проповедь, все слушатели, кроме только одного крестьянина, проливали слезы, другой спросил его: „Для чего ты не плачешь?“ – „Я не этого прихода“, – отвечивал он».

Поводом для создания басни послужило стихотворное послание Вяземского «И. И. Дмитриеву», в котором он поставил Крылова ниже Хемницера и Дмитриева. В. А. Оленина пометила на томе басен Крылова: «На эпиграмму к. Вяземского». По словам Ф. В. Булгарина, Крылов принял суждение Вяземского за общий приговор Карамзина, Дмитриева и Жуковского, поскольку Вяземский находился в близких с ними отношениях. Тогда-то он и написал басню «Прихожанин», имея в виду, что отзыв Вяземского столь суров и несправедлив из-за принадлежности к тому кругу литераторов, в который Крылов не входил, хотя со многими из них сохранял приятельские отношения.

111
Платон – митрополит Московский, известный своим красноречием проповедник.

112
Тема басни разрабатывалась Эзопом («Сойка и Голуби»), Федром («Надменная Галка и Павлин»), Лафонтеном («Сойка, украшенная перьями Павлина»). Содержание басни связано с пословицами: «От ворон отстал, а к павам не пристал», «Ни пава, ни ворона» и с поговорками: «Сокол – воронья перья», «Ворона в павлиньих перьях».

113
Быть украшением Юнонина двора. – Павлин был посвящен богине Юноне и назывался «Юнониной птицей» (рим. миф.).

114
Переработка одноименной басни Лафонтена, восходящей к басне Федра «Старый Лев, Вепрь, Вол и Осел».

115
Басня подверглась цензурным гонениям.

116
В образе Кукушки выведен Ф. В. Булгарин как автор романа «Иван Выжигин».

117
О поводе к сочинению басни и смысле ее Гоголь писал: «Когда у некоторых доброжелательных, но недалёкозорких начальников утвердилось было странное мнение, что нужно опасаться бойких, умных людей и обходить их в должностях из-за того единственно, что некоторые из них были когда-то шалуны и замешались в

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylov.ru
безрассудное дело, он написал <...> замечательную басню „Две бритвы“ и в ней справедливо попрекнул начальников, которые

Людей с умом боятся
И держат при себе охотней дураков».
(Гоголь цитирует Крылова неточно. – В. К.)

118

Басня связана с пословицей: «Скупой богач беднее нищего».

119

С. 174 в басне имеется в виду судьба героя Отечественной войны 1812 г. генерала А. П. Ермолова, в результате интриг отставленного от службы в 1827 г. Некоторые образы и выражения («железный хлам», «в зубцах и ржавчине кругом», «игрушкой быть ребят»), возможно, использованы Лермонтовым в стихотворении «Поэт».

120

О смысле басни Гоголь писал: «Когда некоторые, чересчур военные люди стали утверждать, что все в государстве должно быть основано на одной военной силе и в ней одно спасение, а чиновники штатские начали, в свою очередь, притрунивать над всем, что ни есть военного, из-за того только, что некоторые из военных не понимали истинной важности своего звания, Крылов написал знаменитый спор пушек с парусами, в котором вводит обе стороны в их законные границы...»

121

Близка басне Эзопа «Собака». Встретила цензурные препятствия.

122

Слово «мирон» по-гречески означает «каплющий елеем». Басня имеет в виду ханжество и лицемерие богачей.

123

Связана с басней Ф. А. Эмина «Сова и Нетопырь». Повод к написанию басни раскрыл Пушкин, основываясь, несомненно, на личном общении с Крыловым. В апрельской книжке «Московского вестника» за 1828 г. появилось стихотворение С. П. Шевырева «Мысль». Оно подверглось издевательской критике в газете Ф. В. Булгарина «Северная пчела». Стихотворение Шевырева было объявлено «вздором» и «бестолковщиной». Между тем редакция «Московского вестника» получила отзыв И. В. Гёте. По этому случаю Пушкин писал: «Должно терпением, добросовестностью, благородством и особенно настойчивостью оправдать ожидания истинных друзей словесности и одобрение великого Гёте. Честь и слава нашему Шевыреву. Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова. Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гёте. За разбор „Мысли“, одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева каждого по достоинству. Вперед! и да здравствует „Московский вестник“!» Слова «осудившего их» надо понимать как «воздавшего по заслугам». В басне критические стрелы целят в Булгарина (Филина), тогда как в отношении Шевырева (слепого Осла) только предполагается, что стало бы с ним, если бы он был слеп и поддался советам Филина, видящего только ночью.

124

Басня связана с пословицами: «Что посеял, то и пожнешь», «Чем кого взыщешь и себе то же сыщешь», «Как постлался, так и выспался». По мнению архиепископа Сан-Францисского Иоанна, в басне «происходит как бы Суд Божий. Человек сам себе готовит плоды будущей жизни. Акты милосердия вызывают милосердие; акты злобы – отражаются гибелью».

125

Басни (1). Иван Андреевич Крылов krylovi.ru
Басня связана с половицей: «На волка токмо слава, а овец таскает Савва».

126

На сходную тему написаны басни Эзопа («Лев и Мышь») и Лафонтена («Лев и Крысы»).

127

Знакомый Крылова Н. М. Колмаков вспоминал: «Кукушка и Петух, выхваляющие себя в басне, изображают Н. И. Греча и друга его Ф. В. Булгарина. Лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия. Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова».

128

По поводу этой басни В. А. Оленина записала: "Цензура два года не разрешала печатать. На маскараде у вел. кн. Елены Павловны он (Крылов. – В. К.) испросил разрешение у самого государя Николая I". Там Крылов прочел стихотворение «По части кравческой, о царь, мне речь позволь...». Стихотворение очень понравилось Николаю I. Воспользовавшись этим, Крылов обратился к Бенкендорфу с просьбой доложить государю, что он желал бы прочесть вновь сочиненную басню. Николай I согласился, и Крылов прочел «Вельможу». Вся басня и особенно заключительные стихи так понравились царю, что он обнял автора и сказал: «Пиши, старик, пиши». Тут Крылов попросил разрешения о напечатании басни и получил его.

129

Плутон – одно из имен Аида – владыки одноименного подземного царства и царства мертвых (гр. миф.).

130

Меркурий – бог торговли, покровитель стад и пастухов, вестник богов (рим. миф., в гр. миф. – Гермес).

131 Эак – легендарный основатель рода Эакидов; сын Зевса и Эгины; после смерти за благочестие и справедливость боги сделали Эака одним из трех судей в Аиде (гр. миф.); иносказательно – справедливый человек, справедливый судья.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://krylovi.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!